

Ввязаться
в игру —
значит идти
до конца

.....

Кайя Асмодей

ДНЕВНИК интриганки

.....

● **роман-искушение**

Посвящается новому поколению,
рожденному, чтобы найти
свою любовь

Поколение Love

Кайя Асмодей
Дневник интриганки

«АСТ»

2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Асмодей К.

Дневник интриганки / К. Асмодей — «АСТ»,
2017 — (Поколение Love)

В один миг жизнь Стефании в небольшом городке, где у нее есть подруги, друзья и любимый парень, резко меняется. Мама уезжает на заработки в другую страну, а Стефу отправляет в большой город к отцу, которого девушка никогда не видела. Мало того что отец оказывается карьеристом со скверным характером, так еще и новые одноклассники устраивают девушке ледяной прием. Оказывается, она толстая, нелепая, безвкусно одетая, некрасивая, глупая неудачница и никому не нравится. Единственный, кто относится к Стефе дружелюбно, это парень из дома напротив. Но дружба с ним может дорого обойтись девушке. Она и не подозревает, что уже стала частью чьей-то хитроумной игры. И единственное оружие, которое есть у Стефы, это случайно найденный дневник с тайнами и грязными секретами ее врагов. Но сумеет ли девушка распорядиться им разумно?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Асмодей К., 2017
© АСТ, 2017

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	35
Глава 6	41
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Кайя Асмодей

Дневник интриганки

© Кайя Асмодей

© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Посвящается И. М. Я растворяюсь в тебе...

Пролог

Я всегда знала, что мама не любит сложные разговоры, но не настолько же!

Она просто заглянула в мою комнату и сказала, в своей привычной манере, беспечно, нисколько не щадя:

– Я еду на заработки в Англию, а ты пока поживешь у отца.

– Мама! – Я вскочила с кресла, на котором сидела с учебником по физике. – Ты о чем вообще?

Мать хотела скрыться за дверью, но мой вопль ее остановил, она со вздохом взглянула на меня и нехотя сказала:

– Деньги нужны тебе на обучение. Это всего на годик. Ты и не заметишь. В Англии горничные в пятизвездочном отеле зарабатывают очень прилично. Питание и проживание включены, я смогу откладывать. Умоляю, только не спорь! Все решено!

Я стояла посреди своей маленькой комнатухи, потрясенно открывая и закрывая рот, пытаюсь вставить в мамин монолог хоть слово.

Все бы ничего, да только...

– Поживу у отца? У какого отца? У меня же нет отца! – воскликнула я, воспользовавшись ее паузой.

Мама повела плечом и поморщила нос.

– У всех есть отцы. Биологию вам, что ли, в школе не преподают!

Не в силах стоять, я упала в кресло, прошептав:

– Единственный раз, когда я в шесть лет спросила у тебя про отца, ты сказала, что он урод натуральный и говорить мы о нем не будем! Что изменилось? Он перестал быть уродом за эти последние пятнадцать лет?

Мама закатила глаза.

– Ну почему ты вечно цепляешься к моим словам? Подумаешь, что я там сто лет назад сказала.

– Мама, но я не знаю отца! Как я могу жить с незнакомым человеком? Це-е-елый го-о-од!

– Вот и познакомитесь! Вы очень похожи! И обязательно поладите!

Мой взгляд упал на висящее справа от кресла зеркало. Значит, мой отец рыжий, веснушчатый, немного нескладный, что-то среднее между Винни-Пухом и Тигрой из диснеевского мультфильма. Отлично!

– Ты не веришь, что я способна поступить на бесплатное? – с отчаянием прошептала я.

Мать опустила глаза и вздохнула. Ответ не требовался. Она не верила в меня.

Я молчала, зная, что когда мама говорит, что все решено, это действительно так, и ничто на свете ее не переубедит. А меня она вообще никогда не слушала.

Наконец, мама не выдержала:

– Ну не надо на меня обижаться! – Она подошла ко мне, присела на корточки и обняла мои ноги. – Все это ради тебя, козлик! Ради твоего будущего.

Мне хотелось расплакаться, но я лишь спросила:

– А как быть с моим настоящим?

– Воспринимай это как путешествие и веселые каникулы, дорогая!

– Да? – У меня внутри все обмерло. – Мама, когда ты говоришь «путешествие», ты ведь не имеешь в виду...

– Твой отец из Петербурга, – как всегда без предисловий, ошарашила она.

– Но это очень далеко! Как я буду ходить в школу? На самолете летать? Десятый класс, мама!

- А в Петербурге, думаешь, школ нет? Там есть все, что душе угодно! Тебе понравится!
- Ага. Как тебе, шестнадцать лет назад?

Мать выпрямилась во весь рост и, взглянув на меня сверху вниз, прошагала к двери, бросив:

- Собирай потихоньку вещи!

Зазвонил мобильник, на экране высветилось: «Таня Поднебесная». Я понятия не имела, как сказать лучшей подруге, что я проживу годик в Петербурге с каким-то отцом...

Но все-таки я ответила. Подружка и судьба решили добить меня окончательно, Таня прокричала в трубку:

- Теф, я такое тебе расскажу! Ты сейчас просто умрешь!

Я лишь горько усмехнулась, пробормотав:

- Я уже мертва, так что давай, рассказывай!

- Помнишь Макса?

Спрашивает! Конечно, я помню Макса. Я влюблена в него чуть ли не с детского сада.

- Ну и? – поторопила я.

- Макс попросил у меня сегодня твой номер телефона.

- Зачем?

- Вот и я его спросила!

- А он?

- Говорит, в кино хочет с тобой пойти. В кино! Макс! Ну что? Счастлива?

Таня на том конце ждала, а я на этом была не в силах вымолвить ни слова. Почему так? Мечты врываются в закрывающуюся дверь трамвая желаний, вот они, тут, чтобы сбыться для тебя, да только вы разминулись в дверях, потому что ты вышла на остановке.

- Ты там язык от радости проглотила? – весело уточнила Таня.

- Тань... – дрожащим голосом прошептала я.

- Ты чего, плачешь, дуреха? Что случилось?

- Мама едет в Англию работать, а я переезжаю на год к отцу в Питер.

- Какой Питер? К какому еще отцу? У тебя же нет отца!

- И я так думала...

- А как же Макс и кино? А как же школа? А наш книжный клуб? А я?

Что я могла ответить? Что взрослые иногда хотят как лучше, а получается как всегда? Думаю, Таня и так это знала. Она росла старшей в многодетной семье, где всегда приходилось идти на уступки, стараться понимать и быть не по возрасту взрослой.

Мы помолчали, наконец Таня сказала:

- «Один год» звучит оптимистичнее, чем навсегда или никогда больше, правда? Макс, кино, школа, книжный клуб и я будем и через год на том же самом месте – ждать тебя!

Глава 1

Самый кошмарный год

Мы стояли перед дверью квартиры с номером «66», и мама монотонно нажимала на звонок. Под которым была нацарапана чем-то острым надпись «Козел».

– Может, его дома нет? – вяло предположила я.

Мама ничего не ответила. Я присела на чемодан и уточнила:

– Ты ведь сказала отцу, какой у нас рейс?

И снова это многозначительное молчание. У меня закрались нехорошие мысли, только я не успела их озвучить. Раздалось лязганье засова, ворчание: «Кого там черти принесли в такую рань?» – И дверь распахнулась.

Я взволнованно вскочила с чемодана и втянула воздух, чтобы казаться стройнее. Какой-никакой – отец. И мне хотелось выглядеть наилучшим образом. Но, увидев перед собой черноволосого красивого молодого мужчину в наспех накинута халате, я выдохнула, разом обмякнув. Встреча откладывалась. Этот человек даже отдаленно не был похож на моего отца.

– Вам кого? – спросил мужчина.

Мать ничуть не выглядела удивленной. Она кивнула мужчине на меня и сказала:

– Андрей, это твоя дочь Стефания.

– До-о-очь? – в один голос произнесли мы с мужчиной.

Сказать, что он выглядел потрясенным, – это не сказать ничего. Он вытаращился на меня так, словно увидел инопланетянина. Я вновь попыталась втянуть щеки, но у меня получилось неважно.

Мужчина нахмурился, затем с облегчением покачал головой.

– Вы ошиблись этажом!

Моя мать хмыкнула.

– С чем я ошиблась, так это с количеством выпитого... шестнадцать лет назад. А с этажом все в порядке! Кафе, Набережная Обводного канала, танцы под луной, припоминаешь?

Он прищурил один глаз.

– Маша? С-с-света? Света!

Мама кивнула.

– Так мы пройдем?

– Нет! – вскричал мужчина, пригладив волосы. – То есть... – Он с надеждой взглянул на мою мать. – Это какой-то розыгрыш?

Я покосилась на мать, и мне стало не по себе.

– Ты не предупредила его о нашем приезде? – шепотом спросила я.

Ответ был очевиден.

– Андрей, я никогда тебя ни о чем не просила, – отстраняя его и проходя в квартиру, промолвила моя мама. Мне она жестом показала следовать за ней. Красная от стыда, я потащила чемодан мимо мужчины в прихожую. Новоиспеченный папочка не остановил меня, хотя на его красивом лощеном лице было написано, что он очень хотел.

Прихожая оказалась просторной и светлой, больше моей комнаты дома, со встроенными зеркальными шкафами, кафельным полом и потолком со множеством лампочек. Не то что темный коридорчик со старым, обрезанным по размеру паласом в нашей двушке.

А мать между тем продолжила свою речь:

– Я хоть раз обратилась к тебе? Требовала алиментов или еще чего-то?

Андрей молчал. Или мне нужно называть его отцом? Для отца, пожалуй, он слишком молод и хорош собой.

– Настало время и тебе что-то сделать для своего ребенка.

– Что именно?

– Я уеду на год в Англию... – И мать умолкла, позволив остальное додумать Андрею самому.

И он додумал, на его лощеном лице отразился ужас. Он покосился на меня и выпалил:

– Да она даже не похожа на меня!

Моя мама пожала плечами.

– Сделай тест. У тебя ведь две комнаты?

– Две. Вернее, одна. Вторая занята.

Мама толкнула одну дверь – за ней оказалась спальня в черно-серых тонах с огромной кроватью. Тогда мать открыла другую дверь, за ней оказался мини-тренажерный зал. На стене огромная плазма, на окне и балконной двери вертикальные жалюзи. Вдоль стены стеллаж, на котором блестели стройным рядом награды «Лучший маркетолог отдела», «Маркетолог года» и другие. Там же стоял небольшой столик с компьютером, сканером и принтером.

Андрей самодовольно улыбнулся, и в его васильковых глазах, цветом и разрезом в точности как у меня, загорелся огонек злорадства.

– Как видишь, Света, разместиться у меня негде. Здесь лишь одна кровать – в моей спальне. Э-э... девочка остаться тут не может. Прости, я бы рад помочь, но сама видишь...

– Бросишь ей матрас вон там, – указала моя находчивая мама на угол комнаты возле беговой дорожки. Ей много не надо. Козлик. – Она обернулась ко мне и, ласково коснувшись щеки, взяла чемодан и внесла в комнату с тренажерами. – Тебе здесь будет замечательно, посмотри, даже телевизор есть! Плоский, очень замечательно!

Мне казалось, что все происходящее – это не по-настоящему. Такого просто не могло приключиться.

– Света, можно с тобой поговорить? – Ноздри Андрея раздувались, он, похоже, сдерживался из последних сил.

Мама улыбнулась и, закрыв меня в тренажерном зале, сказала моему отцу:

– Я смотрю, ты все такая же эгоистичная скотина.

– А ты все такая же эксцентричная деревенщина, которая так ничего и не поняла...

Их голоса удалялись, да мне и не хотелось прислушиваться. Единственное, чего мне хотелось, – это убраться отсюда. Еще никогда я не испытывала такой стыд за себя и за маму.

Я просидела полтора часа среди тренажеров в ожидании, что сейчас войдет мама и скажет, что мы уезжаем. Я бы обняла ее и заверила, что ни один институт не стоит таких унижений.

Но мама не пришла, в дверь постучался Андрей, окинул меня тяжелым взглядом. Он уже был одет в серую рубашку и черные костюмные брюки.

– Твоя мама пошла в магазин, – объявил он.

Я не знала, что сказать, и лишь кивнула.

А он, закончив разглядывать меня, сказал:

– Я не стану нянчиться с тобой, у меня своя жизнь. И если ты останешься тут, то тебе нужно сразу уяснить: свои проблемы ты будешь решать сама.

– Проблемы?

Он передернул плечами.

– Таким, как ты, непросто в школе и по жизни...

Я удивленно заморгала.

– Таким, как я? Это каким?

Андрей промолчал, лишь приподнял брови. А я вдруг поняла – он считает меня неудачницей. Неказистой, полноватой, несимпатичной. Я, конечно, всегда знала, что не эталон красоты и стройности, но никто еще так меня не оскорблял. Даже мальчишки в школе. Да, бывало, крикнут вслед «рыжая-веснушчатая». Но я не обижалась. И со мной многие хотели дружить, я нравилась одноклассникам и ребятам из параллели, может, не как девушка, но хотя бы как приятный человек. Сам Максим, популярный старшеклассник, хотел пойти со мной в кино. А это о чем-то да говорит! Так почему же родной отец не увидел во мне того хорошего, что видели другие?

Я почувствовала, что краснею. Как было глупо выбирать красивый сарафан и нарядную кофту для встречи с этим человеком. Для него я и моя мама – деревенщины лишь потому, что приехали из небольшого городка. И даже в самой нарядной своей одежде мы в его глазах аляповатые и плохо одетые.

– Твоя мать хочет, чтобы мы подружились.

– Это не обязательно, – выдохнула я.

– Согласен. – Кажется, он впервые искренне улыбнулся. – Будет достаточно, если мы просто постараемся друг другу не мешать. О школе я договарюсь. – И, прежде чем выйти, он окинул рукой тренажеры: – Можешь пользоваться этим всем!

Не знаю, был ли это намек, что мне надо похудеть. Но в первый раз с тех пор, как узнала, что за год у меня впереди, я расплакалась.

Слезы душили меня, в этой комнате, полной железяк, было нечем дышать. Я подскочила к балконной двери, выскочила на небольшой открытый балкончик и завизжала что есть мочи. В каком-то журнале я читала, что такой выброс эмоций может помочь.

Вранье. Мне не помогло. Люди, которые шли внизу, подняли головы и посмотрели на меня как на сумасшедшую. А на балконе дома напротив я заметила сидящего в кресле кудрявого парня, он тоже с любопытством уставился на меня.

Я вытерла щеки и помахала ему рукой.

После некоторых раздумий он ответил на мое приветствие.

– Как дела? – крикнула я надрывающимся голосом.

Он молчал. Возможно, орать через улицу было плохой идеей. Я уже хотела зайти в комнату, когда заметила у него в руках лист формата А4. На листе черным маркером парень написал свой ник в аське и пароль сети вай-фай.

Я вынула из кармана телефон, подключилась к Интернету и открыла программу для обмена быстрыми сообщениями.

Tef: «Привет!»

LI\$: «Никогда тебя не видел раньше!»

Tef: «Я сегодня приехала из Харабали. Знаешь такой город?»

Наверно, мне хотелось с кем-то поговорить о доме, но не вышло.

LI\$: «Для питерцев существует лишь один город».

Tef: «И свою географическую невежественность питерцы скрывают за пафосной преданностью городу?»

Я думала, он обидится, но он меня удивил.

LI\$: «Ха-ха!»

LI\$: «Свое невежество питерцы скрывают за неискренним смехом. Но это между нами ☺».

На балкон выглянула мама.

– Стефания, вот ты где! Привезли диван, идем, выберешь место, куда поставить.

Я только и успела написать: «Мне пора», прежде чем мама утатила меня в комнату.

Увидев, как двое рабочих вносят в комнату диван-книжку, я вдруг осознала, что это действительно конец. Конец мечтам уехать домой и начало самого кошмарного года в моей жизни.

– Куда ставим, хозяйка? – спросил один из рабочих.

Я показала на местечко у стены. Права, маме пришлось отодвинуть велотренажер, прежде чем рабочие поставили туда диван.

Мама достала из большой сумки комплект зеленого постельного белья с белыми цветами.

– На первое время хватит. Вот тут, – указала она на сумку, – я прикупила тебе некоторые вещички, потом посмотришь.

– Мам, – прошептала я, – а нельзя мне с тобой? Я не хочу тут оставаться!

Она порывисто обняла меня.

– Да ты и глазом не успеешь моргнуть, как мы снова будем вместе!

Заметив, что Андрей наблюдает за нами из прихожей в приоткрытую дверь, я отпрянула от матери и отвернулась. Возможно, если бы отец оказался совсем другим, таким, каким бывают хорошие отцы, мне было бы легче. Впрочем, хорошие отцы не отказываются от своих детей. И чего я ожидала?

Мама заправила мне кровать новым бельем, а затем позвала на кухню ужинать.

Кухня в квартире отца была огромной, метров двадцать. Встроенные шкафчики и техника – все серебристое и блестящее. Вместо обеденного стола длинная барная стойка. Ничего общего с нашей крохотной кухонькой со старой плитой, ставшей уже из белой желтоватой. Но, несмотря на всю модность и современность обстановки, я не чувствовала себя уютно. Здесь было как-то слишком просторно, холодно и голо.

Андрей заказал суши и роллы. И был изумлен, это читалось в его взгляде, когда заметил, что мы с мамой не умеем есть палочками.

В наше оправдание я брякнула:

– Мы предпочитаем суп, – и, бросив палочки, взяла вилку и воткнула в ролл.

Мама негромко засмеялась и тоже отложила палочки. Сейчас – в домашнем платье, без макияжа, немного смущенная, она мне показалась очень красивой и молодой. Конечно, в ней не было той глянцевой красоты, которую наверняка предпочитал этот пижон Андрей. Мамино лицо даже по выходным носило отпечаток усталости, а в больших серых глазах словно застыла тоска. Она не выглядела моложе своих лет, но в ее характере всегда было что-то порывистое, взбалмошное и юное, заставляющее мужчин, которые успевали узнать ее лучше, влюбляться в нее. Дома у нее было несколько преданных поклонников. Правда, мама частенько говорила, что ей никто не нужен.

Сейчас, наблюдая за ней и Андреем, я видела ее другой. Она робела перед этим мужчиной, в ней появилась неприсущая ей кротость, и скулы розовели от каждого его пренебрежительно брошенного взгляда.

Я не знаю, что чувствовала она, вынужденная сидеть напротив мужчины, которому было наплевать на нас шестнадцать лет, да и сейчас, но я его просто возненавидела.

Мама тронула меня за плечо и неестественно веселым голосом предложила:

– Стефания, расскажи немного Андрею о себе!

– Это что, интервью? – ошетинулась я.

Одна бровь отца изогнулась.

– Что за странное имя! Над тобой в школе не смеются?

– У нас прибалтийско-польские корни, это имя выбрала для меня прабабушка. И нет, никто надо мной не смеется в школе!

Андрей поднял на меня глаза, наши взгляды скрестились, как шпаги.

– И как мне тебя звать?

Я молчала. Потому что не хотела, чтобы он меня вообще как-то звал.

– Друзья зовут ее Теф, – подсказала мама. – Я иногда зову Фаня. Милая, не хочешь рассказать Андрею...

– Не особо, – я соскочила с высокого табурета, – устала, пойду спать.

Выходя из кухни, я услышала, как Андрей раздраженно спросил:

– Она всегда такая дерзкая?

– Нет. Она хорошая девочка. Ей просто трудно. Она в чужом городе, остается с чужим, по сути, ей человеком и...

– Хочешь совет? Все просто! Не оставляй ее тут!

Я вздохнула. Уж я-то знала, моей маме советы ничьи не нужны.

Я заглянула в ванну, закрылась на защелку и приняла душ. В поисках зубной пасты я обследовала ящички. В одном из них я наткнулась просто на гору презервативов. Вот как, а мой отец предусмотрительный и осторожный. Но совершенно очевидно, таким он был не всегда. Иначе я бы здесь не стояла.

Я выключила свет и, подсвечивая путь к дивану мобильником, юркнула под одеяло. Спать не хотелось, и я зашла в Интернет. Мой новый знакомый был онлайн. И я решила ему написать.

Тef: «Что делаешь?»

Он ответил лишь через пять минут.

LI\$: «Ищу на карте Мухосранск, из которого ты приехала, чтобы поддержать с тобой разговор».

У меня к лицу прилил жар, а сердце заколотилось быстрее.

Тef: «Это было... грубо!»

LI\$: «Ну, возможно, так будет лучше? ☹☹☹????»

Тef: «Считаешь, что говорить гадости с улыбкой приличнее?»

LI\$: «Гадость, сказанная с улыбкой, – это шутка. А гадость, сказанная с серьезным видом, – это оскорбление».

Тef: «А мне кажется, оскорбление – есть оскорбление, сколько ни пытайся его завуалировать ухмылочками!»

LI\$: «Тебе кажется!»

Продолжать с ним беседу мне расхотелось. Вряд ли мы подружимся. Поэтому я кинула на прощание: «Спокойной ночи, некультурный питерский мальчик!» – и отложила мобильник.

Через двадцать минут пришла мама и тихонько легла рядом.

– Мам, – позвала я.

– Да.

– Я ненавижу его.

Она не спросила кого. И так было ясно, что Андрея.

– Ненависть – скверное чувство, и от него тяжело лишь тебе, – тихо сказала мама. – Он ничего плохого тебе не сделал.

– Хорошего тоже.

– У вас все впереди. Почему бы тебе не дать ему шанс?

– А разве он дал мне шанс? Он же не приехал, когда я родилась, чтобы хотя бы посмотреть на меня! Не приехал же?

Мама молча обняла меня. Я была права. Этот Андрей не дал шанса ни мне, ни маме, а я теперь почему-то должна быть благородной. Как бы не так! Я никогда прежде не чувствовала внутри такого клокочущего чувства ярости.

– Он совершенно мерзкий, хорошо, что его не было в нашей жизни.

И снова мама ничего не сказала, лишь вздохнула. Я поняла, что ей тяжело оттого, что я возненавидела человека, с которым она вынуждена меня оставить. И специально, чтобы ей стало легче, я сказала:

– Ну ничего, мам, я тут справлюсь. Не бойся за меня!

Она погладила меня по щеке.

– Я знаю. Ты умница.

Мы проговорили целый час. Вспоминали дом и нашу жизнь, небогатую, но полную счастливых и просто замечательных моментов. Нам хорошо жилось вдвоем. И нам никто не был нужен. Ни Андрей, ни кто-то еще!

Мама пообещала, что когда вернется, я доучусь в родной школе, потом пойду в прекрасный институт, мы заведем полосатого кота, и все у нас будет отлично.

Я ей верила, думала, иначе и быть не может. Но я ошиблась.

Глава 2

Чудовища

Спустя два дня мама уехала, и в первое же утро без нее мы с Андреем поссорились.

Я пила йогурт, сидя на диванчике в кухне перед низким прямоугольным столиком. Барная стойка и высокие табуреты мне категорически не нравились. А моему папаше, похоже, нравилось каждое утро зависать перед работой в баре.

Андрей вошел на кухню, одетый в черный костюм, и протянул мне буклет.

– Изучи. Гимназия, куда пойдешь учиться.

Я взяла буклет.

– Почему туда?

– А почему бы не туда. – Андрей взял из холодильника фрукты, молоко и добавив в блендер какой-то спортивный порошок, приготовил себе коктейль.

Потягивая коктейль, он повернулся ко мне на высоком крутящемся стуле и спросил:

– Нравится?

Я отложила буклет.

– Нет, не нравится.

– Жаль. Потому что ты все равно пойдешь туда. Эта школа мне по пути на работу, я смогу тебя подвозить.

– Я предпочитаю ездить в школу на общественном транспорте.

Он одним махом допил коктейль, подошел к дивану и, нависнув надо мной, сказал:

– Характер решила показать? Мне безразлично, каким образом ты будешь попадать в эту школу, хоть на метле летай. Но ты будешь учиться здесь. – Он всунул мне в руку отложенный мною буклет.

Какое-то мне самой неясное упрямство заставило меня произнести:

– Мне не нравится эта школа, я в нее не пойду!

– Я отвалил директору этой школы приличную сумму денег, чтобы тебя зачислили. И я не думаю, что спрашиваю тебя, пойдешь ты или не пойдешь. Я тебе говорю: ты пойдешь.

– Тогда чего ради ты интересовался, нравится мне или нет?

Он хищно прищурил глаза.

– Это была всего лишь вежливость. На самом деле мне наплевать! – И махнув рукой, он бросил: – До вечера.

– А если я сбегу? – крикнула я ему вслед.

Он вернулся и предостерег:

– Сбежишь, я вызову полицию и скажу, что ты меня обокрала. Тебя в два счета найдут.

– А если я скажу, что ты... – Я умолкла и загадочно улыбнулась. Или я только вообразила, что это вышло загадочно?

Он неприлично рассмеялся и, окинув меня пренебрежительным взглядом, промолвил:

– Ты себя видела? Да кто в здравом уме в это поверит? – И, видя, как я густо покраснела, сжалился, примирительно предложив: – Будь умницей, не доставай меня, и мы поладим.

Он ушел, а я вышла в прихожую и подошла к зеркалу.

У меня все лицо в веснушках, как у мамы в юности, рыжие прямые волосы до лопаток, рыжие ресницы, но довольно длинные, девочки в школе даже завидовали моим длинным ресницам. У меня васильковые яркие глаза, лицо овальной формы, полные губы и немного курносый нос. Я совершенно нормальная. Может, и не красавица, но и не уродина. У меня нет большого живота и при этом тонких ножек. Я не худышка – это правда. Упитанная, но равномерно, поэтому лишний вес даже и не заметен. Или заметен? Да если

он и виден, кому какое дело вообще? Я не обжора, могу пропустить завтрак, обед или ужин. Кросс могу пробежать и по канату залезть до потолка! Мама говорила, что у меня такая конституция тела и в этом нет ничего страшного.

Наверняка Андрей нарочно издевается. Думает, раз уродился красавцем, может всех остальных тыкать носом в их непрезентабельную внешность, точно котят в лоток для туалета.

Успокоившись, я прошла в свою комнату, точнее, тренажерный зал. Хотела почитать, но не успела я устроиться с книгой на уже собранном диване, как в окно что-то стукнулось.

Я вышла на балкон и увидела на балконе соседнего дома моего вчерашнего знакомого. Он сидел в кресле и стрелял из рогатки ягодами рябины в мое окно. При виде меня парень поднял руку с телефоном.

Я достала из кармана мобильник и вышла в Интернет.

LI\$: «Надеюсь, сегодня у тебя настроение лучше?»

Tef: «Думаешь, в прошлый раз дело было в моем плохом настроении?»

LI\$: «Само собой!»

Tef: «Я заметила, что парни и мужчины в этом городе отличаются раздутым самомнением! Это лечится?»

LI\$: «Возможно!»

Tef: «Подскажешь рецепт?»

LI\$: «Готов обменять».

Tef: «На что?»

LI\$: «☺»

Tef: «Хм?..»

LI\$: «☺☺»

Tef: «Что бы ты ни имел в виду... Это наверняка очень самонадеянно с твоей стороны!»

LI\$: «Мужское самолюбие подобно надутому шару, который легко лопается, стоит поднести к нему острую, как игла, любовь. Не за что. Пользуйся».

Tef: «Хм... надо заточить любовь, а то она туповата у меня пока! И вообще, почему ты не в школе? Или ты уже студент?»

LI\$: «Ногу сломал, на лыжах катался, теперь сижу дома #. Ну а ты когда пойдешь в школу?»

Tef: «Видимо, скоро. Отец уже выбрал мне гимназию!»

LI\$: «Волнуешься?»

Tef: «Немного. Так где ты сам учишься?»

LI\$: «СПбГУ, конечно. ЮРФАК!»

Tef: «На этом месте я должна наверняка снять шляпу и преклонить колени?»

LI\$: «Реверанса будет достаточно!»

* * *

Спустя почти неделю ничегонеделания, скуки и переписки с соседом наступило утро моего первого дня в новой школе. Я тщательно оделась и заплела косу.

– Ты в этом пойдешь? – встретил меня вопросом Андрей. Он сидел за барной стойкой на кухне и пил кофе.

– Да. А что? – Я погладила свой сиреневый жакет, плотно прилегающий к телу, и коснулась в тон ему юбки до колен. Под жакетом на мне была рубашка в разноцветную полоску. На ногах коричневые ботиночки. Мы с мамой купили их мне перед отъездом. Очень симпатичные, с серебристыми пряжками.

Отец закатил глаза. Я не выдержала.

– Что не так?

– Прости, но ты выглядишь как... – Он умолк, подбирая слово, но не нашел, проворчал: – Тебя заклюют.

Я тряхнула аккуратной косой.

– Глупости. Никто меня не заклюет. Не переноси, пожалуйста, на меня свои собственные комплексы.

Он усмехнулся.

– Ладно. Завтракай – и вперед.

Я покачала головой.

– Когда волнуюсь, не могу есть!

Андрей криво улыбнулся.

– Видать, ты не очень часто волнуешься!

Ну все, достал! Я уперла руку в бок.

– Тебе обязательно мне постоянно намекать, что я толстая?

Он встал с табурета, взял пиджак, перекинул его через руку и, проходя мимо, проронил:

– Разве я намекаю? Но если тебе так показалось, возможно, подсознательно ты переживаешь из-за лишнего веса.

– Теперь я понимаю, почему ты не женат! – мстительно бросила я ему в спину. – Тебя никто долго выносить не сможет!

– Обсуди это со школьным психологом, – предложил он из прихожей.

Меня от него тошнит! И я не про психолога!

Мы молча вышли из парадной, и Андрей подошел к черному кроссоверу «BMW X6». Проходящая мимо дворничиха покосилась на нас и профырчала:

– С каждым днем все моложе и моложе водит, срам!

Андрей обернулся.

– Это моя дочь!

– Ну да, и я твоя дочь, папаша, – она обнажила беззубый рот, – и на прошлой неделе была дочь.

Я шагнула к ней и протянула руку:

– Здравствуйте, мне зовут Стефания. Я действительно его дочь.

Женщина растерянно пожала мою руку:

– Ну привет. Я тетя Маша.

Андрей махнул мне садиться в машину. Пока он выезжал со двора, я принялась выбирать радиостанцию, на что отец мне заявил:

– Я слушаю в машине шансон.

Я оставила станцию, где звучала песня «Фристайл» «Желтые розы», воскликнув:

– Я под эту песню отжигала на празднике в детском саду, – и, подпевая: «Эти желтые розы-ы-ы в нежном свете заката-а-а...», прибавила: – Ты многое потерял, что не видел!

Я в эту секунду наблюдала за его лицом, но на нем не отразилось никаких эмоций. А через пять минут он указал мне на четырехэтажное здание школы:

– Приехали.

Когда я вылезала из машины, он с непонятным мне сочувствием сказал:

– Удачи. Если что... пожайлуйся классному руководителю, не терпи.

Я недоуменно посмотрела на него.

– Не знаю, в какой школе ты учился и что там с тобой делали, но мы живем в двадцать первом веке, со мной все будет отлично! Это всего лишь школа.

И я решительно зашагала к школьному крыльцу, где стояла группа старшеклассников. Я приблизилась к ним.

– Ребята, привет! Я новенькая. Мне нужен триста двадцатый кабинет, подскажите?

Парни перестали разговаривать и уставились на меня, переглянулись, заулыбались. Один из них – высокий и очень красивый брюнет с золотистым загаром и вишневым оттенком глаз – предложил:

– Хочешь, провожу?

– Да, спасибо, если нетрудно.

– Легко! – Парень широко улыбнулся. Его друзья засмеялись. А он взял меня за локоть и повел в школу. – Я, кстати, Вова.

Я тоже представилась. Он сказал:

– Необычно.

Мы показали охраннику пропуска и двинулись в гардероб. Я сменила коричневые сапожки на черные туфли без каблука с оббитыми носами, которые мы с мамой покрасили черной краской. Мой провожатый терпеливо ждал.

Мимо нас проходили школьники, некоторые смотрели на меня с интересом, кто-то и вовсе не замечал. По пути на третий этаж Вова рассказал, что учится в параллельном десятом и ходит при школе в баскетбольную секцию.

Он проводил меня до кабинета и ушел, пожелав хорошего дня.

Я была окрылена доброжелательностью этого парня. Такой красивый, но совершенно не зазнавшийся. Редкостный экземпляр.

Все просто. Достаточно быть милой и дружелюбной, и новые знакомства не заставят долго ждать. А Андрей беспокоился, тоже мне насадка, в школу точно на войну меня снаряжал. Мне стало смешно, и я негромко рассмеялась.

Именно этот момент выбрали девочки из моего класса, чтобы подойти познакомиться.

Я, конечно, от переизбытка информации не запомнила, кого как зовут. Но одну девочку я запомнила. Ее звали Лия, она была так красива, что захватывало дух. И она ко мне не подошла, осталась в стороне. У нее были длинные волосы – абсолютно белые, ниспадающие по спине крупными локонами. Естественный макияж подчеркивал ее нежную красоту. Влажный блеск на губах, изящный разлет бровей, широко распахнутые голубые глаза, обрамленные черными густыми ресницами. Женственная фигура с узкой талией, длинные стройные ноги. На девушке была белая юбка-карандаш, в тон ей жакет, а под ним светло-розовая блуза. На эту девушку было просто не насмотреться.

Начался урок. Учительница, пожилая дама в больших очках и с седыми волосами, заметила меня и, заглянув в журнал, объявила:

– У нас новая ученица. Стефания Гуртова будет учиться в вашем классе. А теперь откройте свои учебники...

Да, пожалуй, я рассчитывала на чуть более длительное представление меня «ко двору». Ну да ничего, главное, что я со многими уже познакомилась.

Три урока пролетели незаметно. Пока я смогла определить, что в отстающих мне быть не придется. И это меня успокоило.

Вместе с другими девочками из класса я пошла в столовую. У буфета меня поймал Вова и пригласил за стол, где сидел вместе с друзьями.

Одна из девчонок успела мне шепнуть:

– Ты знаешь Вовку Лиманова?

Я дернула плечом. А одноклассница сделала большие глаза и быстро ретировалась.

Друзья Вовы расспрашивали меня о моей прошлой школе, о моем городе и друзьях. Я охотно отвечала, вся светясь от счастья и гордости, что меня приняли так хорошо.

Какой же слепой я была!

Мимо нашего столика прошла Лия. Парни все как один повернули головы и проводили ее взглядами. Но после сразу вернулись ко мне, и мы до конца перемены беззаботно болтали, пили газировку и ели булочки.

У меня никогда не было зависти к чужой красоте. Я не стеснялась себя и не заиклась на своих недостатках, и мне жилось просто прекрасно.

Со звонком я поспешила на урок. Пока мне все нравилось: ученики, учителя, сама школа, ухоженная и красивая. Я раньше училась в совсем простой школе, где даже на покраску стен и новые стулья денег было не собрать. А тут стены поражали белизной и чистотой, повсюду висели зеркала, было много зелени, в коридорах стояли кожаные диванчики, а в классах новенькие парты и стулья. Причем во всех кабинетах парты были одиночными, а не двойными, как я привыкла. Поэтому вопроса, с кем я буду сидеть за одной партой, не возникло. Здесь все сидели по отдельности.

Перед последним уроком ко мне подошли две девчонки из класса и позвали с собой. Одну яркую блондинку, очень симпатичную и улыбчивую, звали Яна, а другую – брюнетку с длинной косой челкой – Кира.

Они хотели зайти в туалет, поправить макияж.

– Но это мужской! – удивилась я.

– Нет, это женский, просто табличку никак не сменят! Идем!

Я вошла в темный туалет, свет почему-то не работал, девчонки подтолкнули меня в спину и, шепнув: «Развлекайся», со смехом покинули туалет.

Я обернулась, схватилась за дверную ручку, чтобы выйти из туалета, поняв, что девчонки меня разыграли. Тогда я это восприняла как безобидную шутку. Но кто-то подошел сзади и натянул мне на голову тряпичный пакет.

Я вскрикнула. Меня окружило сразу несколько человек и потащили в глубь туалета. А когда закричала, раздался мальчишеский смех.

– Ну и корова, – сказал один из парней и принялся лапать меня. К нему присоединился другой, затем еще один.

Я отбивалась как могла, а они лишь мерзко смеялись и продолжали лапать меня. Кто-то даже руку под кофту засунул.

– Не ори, наф-наф, – шепнули мне на ухо.

– Сочный поросенок! – Кто-то засмеялся.

Я вертелась, пыталась стянуть с головы мешок, но мне в глаза сыпался песок. Мешок, похоже, был из-под чей-то сменки. Я расплакалась, и лишь тогда они меня оттолкнули. Раздался топот ног, я стащила с головы мешок и успела увидеть, как за дверью скрылся последний – я его узнала. Это был Вова.

Я думала, ничто не сможет меня уже потрясти сильнее. И снова ошиблась.

В туалет вошли Яна и Кира.

Я бросилась к ним с рыданиями, но Яна толкнула меня, и я свалилась на пол, больно подвернув ногу. А Кира подошла и отвесила мне звонкую пощечину. После чего вынула из косметички помаду и принялась рисовать у меня на лице. Я попыталась закрыться, но Яна схватила мою руку, предупредив:

– Тебе же будет хуже!

– Что я вам сделала? – отчаянно вскричала я, всхлипывая и пряча в ладонях изрисованное помадой лицо.

Они вытряхнули пудру мне на голову и встали надо мной, разглядывая.

– Ой, Ян, свинюля плачет.

– Скорее тупорогая корова! – возразила Кира.

– Какое право вы имеете... – начала я, но они засмеялись, не слушая меня.

Они, так ничего не сказав, убежали. Я плакала, сидя у батареи пару минут, затем собралась с силами и поднялась. Нога болела, все тело саднило от щипков. Я поправила одежду и подошла к раковине. Но туалет оказался нерабочим, воды тут не было. А у меня с собой не оказалось даже зеркальца или платка. Помаду пришлось оттирать вырванными из тетради листами, больно царапая кожу.

Я услышала шаги и вздрогнула, выронив листы. Дверь скрипнула и открылась. В темный туалет медленно вплыло белое облако – это была Лия, наполнившая затхлое помещение ароматом легких цветочных духов.

Она молча вынула из сумочки пачку салфеток и протянула мне.

Я нерешительно взяла, прошептав:

– Спасибо.

– Не за что. – У нее был мелодичный и красивый голос.

От ее доброты я не выдержала и снова расплакалась. Она привлекла меня к себе и, похлопывая по спине, сказала:

– Не нужно плакать.

– Я не знаю, что сделала им. Я ничего... – Я захлебывалась от слез.

А Лия легонько похлопывала меня по спине, успокаивая, точно ребенка.

Я не могла успокоиться. Отступила и, с трудом вымолвив: «Спасибо тебе», бросилась прочь. Мне хотелось поскорее покинуть стены этой проклятой школы.

Во дворе, где на меня с любопытством смотрели другие ученики, я не задержалась. Выскочила на набережную и быстро пошла вдоль канала, кутаясь в свою старую куртку.

Я не сразу заметила, что рядом со мной едет машина, а когда увидела «БМВ» Андрея, мне захотелось броситься в канал. Видеть своего самодовольного папашу мне сейчас хотелось меньше всего.

Я шла по тротуару, не желая даже смотреть в его сторону. Я проиграла, а он выиграл. Я оказалась наивной, а он оказался во всем прав.

Андрей перевесился через сиденье и открыл дверцу со стороны пассажирского кресла, продолжая медленно ехать возле меня.

– Залезай.

Позади ему засигналили нетерпеливые водители, которых он задерживал. Андрей включил аварийку и показал водителю позади средний палец. Разве может такой человек быть родителем?

Я забралась в машину и захлопнула дверцу. В боковое зеркало я видела, что у меня все лицо красное, в следах помады, она не оттерлась.

– Видимо, спрашивать, как прошел первый день, не стоит, – протянул Андрей, поглядывая на меня.

Конечно, он увидел мое разрисованное красной помадой лицо, его только слепой не увидит, пудру в волосах и порванные колготки с юбкой.

– Можешь не делать вид, что тебе жаль! – непослушными, дрожащими губами вымолвила я. – Ты был прав! Доволен? – Я отвернулась к окну.

– Ну конечно. Оделась как клоун, проигнорировала все мои предостережения, вела себя как дружелюбная деревенщина, за что и отхватила, а я плохой оказался.

– Оделась в то, что у меня есть! Не одежда делает людей людьми! Может, я и деревенщина, но мне за себя не стыдно. Это девочкам и мальчикам из школы должно быть стыдно за то, какие они чудовища!

– Но им тоже не стыдно, поверь! Везде есть свои законы и правила, у чудовищ в том числе.

- Тебя обижали в школе?
- Нет.
- Тогда откуда ты знаешь?
- Я был чудовищем.

Как я не догадалась? Я ничего не сказала, но вложила в свой взгляд все возможное презрение. Он же лишь усмехнулся. Видать, у меня не получилось презрительно. Слишком жалкий и потрепанный у меня был вид.

Мы приехали к дому и поднялись в квартиру. Я не стала обедать, а после посещения ванной заперлась у себя в комнате.

Пыталась поспать, но услужливая память раз за разом прокручивала кадры моего унижения. Хуже всего – я не понимала, что сделала не так? За что со мной так поступили? Если я этим парням и девчонкам так не понравилась, чего ради они весь день разыгрывали добродушие? Чтобы проще было заманить в ловушку? Но раз так, и это был их план изначально, они не собирались дать мне шанс им понравиться. Я им просто не понравилась с первого взгляда.

Вечером Андрей постучал в дверь и спросил:

- Ужинать будешь?
- Не хочу, – отозвалась я.
- Худеешь, что ли? Но яблоко-то тебе точно можно. Будешь яблоко?

Я распахнула дверь и яростно уставилась на него. Его глаза смеялись, кажется, он нарочно меня решил разозлить.

– Ну раз ты вышла. На кухне пицца...

– Я же сказала, – начала я, но он перебил:

– Но если ты на диете, только скажи!

– Я не на диете! Не дождешься! – И я зашагала на кухню, где вытащила из коробки самый большой кусок пиццы и впилась в него зубами.

А прожевав, я оглянулась и встретила насмешливый взгляд отца. Он стоял, привалившись к дверному косяку, сложив руки на груди, и наблюдал.

– Развел меня, да? – У меня не получилось рассердиться. Когда тебе вкусно, даже самая свирепая злость становится совсем ручной.

– Это было нетрудно, – покачал головой Андрей. Он прошел и сел рядом со мной. Но взять из коробки пиццу не попытался.

– У тебя что, раздельное питание? – съязвила я, поглощая второй кусок пиццы.

– Просто не ем мучного.

– Планируешь жить до ста?

Он пристально посмотрел на меня.

– Не хочешь поговорить о том, что произошло в школе?

Я покачала головой. О чем тут говорить? Он и так был невысокого обо мне мнения, а если расскажу, совсем перестанет уважать. Хотя зачем мне уважение того, кого я ненавижу? Не знаю.

Вечером мне позвонила Таня. Я плакала в трубку, рассказывая лучшей подруге о первом дне в школе. Мне пришлось выйти на балкон, чтобы Андрей не услышал.

Таня слушала меня, повторяя:

– Не плачь, ну пожалуйста, не плачь, Теф, солнце, они просто тебя не знают.

– Они и не хотят меня узнать!

Я поздно заметила, что на своем балконе сидит мой знакомый по переписке. А когда увидела, сгорая от стыда, спряталась в комнате. Может, он не слышал меня? Все-таки нас разделяет улица!

Я попрощалась с Таней и упала на диван, накрыв голову подушкой. От мысли, что завтра мне придется снова пойти в школу, внутри все тряслось. Лучше умереть!

Вечером мне написал сосед из дома напротив:

LI\$: «Не хочешь поболтать?»

Я не ответила, он скинул еще несколько сообщений:

LI\$: «Как первый день в новой школе?»

LI\$: «Мне стоит беспокоиться?»

Я написала:

Tef: «Прости, у меня культурный шок, когда отойду от него, напишу!»

Глава 3

Кусочек земли к чаю

Утром я обнаружила на ручке велотренажера темно-зеленое платье с длинным рукавом и белую кожаную сумку. У дивана стояли новые зеленые замшевые сапожки.

Но я упрямо надела то, что привезла с собой. Синие джинсы, малиновая водолазка с красивыми крупными ягодами и серый вязаный жилет.

Андрей не оценил, обронив:

– Мазохистка.

– Это всего лишь вещи! И если мои одноклассники этого не понимают, мне их жаль! Я не собираюсь ломать себя в угоду этим омерзительным людям! Это, в конце концов, просто унинительно!

– А мне жаль тебя, – потягивая кофе, сказал Андрей, – унинительно не ломать себя, а когда тебя прилюдно ломают каждый день другие. Впрочем, я не стану настаивать. Поступай как хочешь! Твои грабли, твоя жизнь.

– Вот именно! Сегодня все будет иначе. Теперь я готова.

– Рад слышать.

Кажется, он мне не верил. Не верил в меня, что я способна справиться с этой проблемой. Ну я ему докажу. И себе! Больше меня никто не застанет врасплох.

Андрей подвез меня до школы, бросил вслед: «Надеюсь, у тебя есть деньги на метро?» – и укатил. Стало быть, встречать меня из школы каждый день он не собирался. Вчера, видимо, он сделал исключение ради первого учебного дня.

У школы стояли парни, Вова среди них. Им даже хватило наглости мне помахать. Я прошла мимо.

У двери кабинета физики я заметила Киру с Яной, они посмотрели на мои туфли с покрашенными носами и зашептались. Другие девчонки, когда я сделала к ним шаг, все разом отошли и разбрелись кто куда.

Ситуация была куда хуже, чем я предполагала. Мне, похоже, объявили бойкот все девчонки класса. Но я по-прежнему не понимала, что сделала им.

Ближе к звонку пришла Лия. Она сдержанно кивнула встреченным девчонкам и остановилась в одиночестве неподалеку от меня.

В ней я немедленно почувствовала родственную душу. Похоже, ее тоже неважно принимали в этом классе. Может, она, как и я, недавно сюда перешла? Как бы там ни было, она единственная меня поддержала.

Я подошла к ней и поздоровалась.

Лия, одетая в черное однотонное платье с белым воротничком и черные туфли на высоком каблуке, приветливо улыбнулась.

– Ты в порядке? – спросила она.

И мне захотелось обнять ее за этот вопрос. Ну разве можно быть такой красивой и чуткой? На некоторых людей взглянешь, и сразу безошибочно угадывается доброе сердце. Лия была именно такой. Она вся точно излучала свет.

– Да, все нормально, – заверила я.

Мне ужасно хотелось знать, почему ее одноклассницы не принимают, но я не осмелилась спросить.

Начался урок. Я очень старалась слушать учителя и вникать во все. Не хватало еще к сложным отношениям с одноклассниками прибавить неуспеваемость. И если вчера я подмечала одни плюсы в учителях и школе, то сегодня видела одни лишь минусы. Учителя

казались мне неприветливыми, сухими и официальными. В прежней школе педагоги были совсем другими – родными – и вели себя с нами как могли бы вести себя любимые тетушки и дядюшки со своими племянниками. Конечно, нам порой доставалось. Но в том было столько жизни и тепла. А учителя в этой гимназии мало чем отличались от роботов. Белые ровные стены, которые вчера произвели на меня приятное впечатление, сегодня показались унылыми. В моей школе на стенах висели портреты писателей, ученых и композиторов, а еще картины учеников. Это создавало особый уют.

На перемене я позвонила Тане. Она была на физкультуре и со смехом попросила подождать. Включила на громкую связь, и мои одноклассники прокричали мне:

«Те-е-еф, возвращайся скорее! Мы скучаем по тебе!»

– Я вас люблю, – с трудом выдавила я.

В глазах предательски защипало, а в носу закололо. Как же я скучала. Попрощавшись с Таней, я заметила выходящую из класса Лию и увязалась за ней.

Пока мы шли до класса истории, к Лии подбежали две девушки, судя по виду, на пару классов младше. Одна из них начала:

– Лия, мы...

Но Лия сделала незаметный жест и попросила:

– Не сейчас.

Я так и не поняла, что это было. Но девчонки сразу убежали, а Лия повернулась ко мне и, подарив мягкую улыбку, спросила:

– Ты уже записалась в какую-нибудь секцию?

– Нет, а это обязательно?

– Так принято.

– Ну а в какую ходишь ты?

– Во все.

Я потрясенно вскинула брови.

– Как? Их же много. Или я ошибаюсь?

– Бассейн, баскетбол, гимнастика, танцы, шитье, театр, кулинария, развитие речи, писательское мастерство, риторика, рисование, – перечисляла Лия.

– Как ты на все находишь время?

– Время как карусель, одним достаточно недолгого кружения, а кому-то нужно, чтобы карусель не останавливалась. – Она извинилась и сказала, что ей нужно сходить в учительскую.

Я зашла в класс, села за парту, но не успела вытащить из сумки учебник и тетрадь, одна из одноклассниц позвала меня выйти с ней в коридор. Я внутренне напряглась, но все-таки пошла за девчонкой.

В коридоре меня поджидали еще две.

Они представлялись вчера, но я забыла их имена.

– Чего ты все одна ходишь, – сказала та, что позвала меня, – давай с нами?

Я пожала плечами. В самом деле! То, что со мной дурно поступила кучка парней и две девицы, еще не значит, что все здесь плохое.

– Ну и отлично, – улыбнулись мне девчонки.

Прозвенел звонок, я зашла в класс, вернулась на свое место. И сидела, не в силах перестать улыбаться, пока учительница не попросила открыть тетради. Тогда-то я и спохватилась. Моей сумки не было на крючке, куда я ее повесила.

– Госпожа Гуртова, у вас какие-то проблемы?

– Нет моей сумки, я тут ее повесила. – Я посмотрела по сторонам. И наткнулась на взгляд девчонки, позвавшей меня в коридор. Она улыбалась и негромко сказала:

– Возможно, ты забыла ее на прошлом уроке?

– Нет же, я помню... – Я осеклась, потому что вдруг все поняла. Эти девочки не дружить со мной хотели, а просто отвлекли. Все они тут заодно. – Ее украли, – громко и четко сказала я.

Класс прыснул от смеха. Учительница похлопала о стол, призывая к тишине.

– Не стоит выносить преждевременных суждений. Сходите в кабинет, где проходил предыдущий урок, возможно, вы действительно забыли сумку.

Я молча кивнула и вышла из класса. Сердце колотилось где-то в горле. Я думала, что готова, думала, на этот раз меня не обмануть, но встала на те же грабли, что и вчера.

Я двинулась вниз по лестнице с третьего на второй этаж. У подножия лестницы меня уже ждали. Их было трое. Этих парней я прежде не видела. Но их улыбчивые лица не обманули меня, я быстро развернулась и бросилась прочь. Парни кинулись за мной.

Хотела вернуться в класс, но в коридоре стоял еще один парень, и я побежала в другую сторону. Да и чего толку было возвращаться в класс без сумки.

Троица, преследующая меня, разделилась. Но я неслась так, словно от этого зависела моя жизнь, и парни отстали.

Я же не могла остановиться и, не заметив выходящего учителя из кабинета, сбила его с ног. Мужчина лет сорока сразу же вскочил с пола и возмущенно уставился на меня, а парни, выскочившие из коридора, поздоровались с учителем и, на ходу пояснив: «Опаздываем на урок», смылись.

– Вам никто не говорил, что бегать в школьных коридорах запрещено? – процедил учитель, отряхивая брюки.

– Простите, – я все еще сидела на полу, – меня преследовали.

– Неужели? Почему вы не на уроке?

– У меня украли сумку, я пошла искать ее, но парни побежали за мной и... – Я замолчала, поняв, что все это звучит бредово.

Учитель покачал головой.

– Идите на урок.

– Хорошо. – Я поднялась. Больше на пути мне никто не встретился. Я без особой надежды заглянула в кабинет физики, и, к моему изумлению, сумка оказалась на крючке моей парты. Я извинилась перед учительницей за вторжение и, забрав сумку, удалилась. Но в коридоре сразу заглянула в сумку. Все оказалось на месте.

После я вернулась на урок. У меня в голове не укладывалось: неужели я действительно забыла сумку?

Ответ нашелся очень скоро. На следующем уроке, когда я открыла тетрадь по алгебре, все страницы были свернуты в треугольные секретки.

Открыв первый, я увидела надпись: «Я – жирная», в следующем была надпись: «Я – уродливая», в третьем «Я – безвкусно одетая», в четвертом: «Я – глупая», в пятом: «Я никому не нравлюсь»... Дальше я разворачивать не стала, хотя там еще восемь «признаний» оставалось. И конечно, когда учительница вызвала меня к доске решить пример, я стояла красная от стыда, с сильно колотящимся сердцем, вообще не соображая, что говорит мне учительница. Я видела перед собой десятки гадких улыбок, слышала неприятный шепоток, от которого у меня волосы на затылке вставали и по спине пробегали мурашки.

Учительница отправила меня на место, посчитав, что я еще не адаптировалась.

После урока я вырвала испорченные страницы и, разорвав, выкинула в туалете.

В столовой я купила чай с булочкой и села за самый дальний столик. Но меня и там достали, проходивший мимо парень бросил мне в кружку кусок земли из цветочного горшка и пошел себе дальше как ни в чем не бывало.

Я не выдержала, вскочила, выплеснула испорченный чай ему в спину и поставила пустую кружку на стол.

Парень посмотрел на меня, слово не понимал, за что я с ним так поступила. И как назло, мимо с подносом шел учитель, которого я сегодня уронила. Он видел, как я плеснула в парня чаем, и строго спросил:

– В чем тут дело? Опять вы?

– Он испортил мой чай! Бросил в него землю!

Парень потрясающе разыгрывал невинность, хлопал глазами, переводя взгляд с меня на учителя. Наконец, он пробормотал:

– Я впервые в жизни вижу ее. Какая еще земля?

Учитель взглянул на сидящих рядом девчонок из моего класса.

– Девочки, вы видели...

Одна из них охотно закивала.

– Он шел мимо, а она вылила на него свой чай!

– Но он правда бросил мне в чай землю!

Девчонки покрутили пальцем у виска. А парень снял мокрую толстовку, оставшись в футболке.

Я понимала, что мне не верят, но не хотела сдаваться.

– У меня есть кружка, наверняка там на дне будет земля. – Я повернулась к столу, чтобы взять кружку, но ее не было на месте. А дежурная девочка с подносом, на котором стояли грязные кружки, уже удалялась в сторону буфета.

Я показала на дежурную:

– Она забрала мою кружку!

Учитель смотрел на меня хмуро, наконец, он сказал:

– Извинитесь перед Лешей, и будем считать инцидент исчерпанным.

– Но я... – Мне хотелось плакать от несправедливости, но я крепко сжав зубы, произнесла: – Извини, Леша.

Он кивнул.

– Да ничего, со всеми бывает.

Мне хотелось заорать во все горло. Они все были против меня. Не знаю, как мне хватило терпения сесть за столик и под насмешливыми взглядами дожевать булочку.

Я достала телефон, чтобы хоть как-то успокоиться. И обнаружила, что в столовой работает сеть вай-фай.

Я подключилась и обнаружила сообщение от Лиса.

Он интересовался: «Как дела?» Мне так хотелось с кем-то поделиться, что я быстро, чтобы не передумать, напечатала:

Тef: «Привет! Дела – ужасно! В школе меня ВСЕ ненавидят!»

LI\$: «О-о-о... так быстро? Ты полна сюрпризов!»

Тef: «Меня избили, надо мной издеваются, меня подставляют. Я не знаю, что делать!»

LI\$: «Попробуй хоть с кем-нибудь подружиться!»

Я вспомнила про Лию, и на душе стало полегче.

Тef: «Есть одна девчонка. Она единственная там нормальная!»

LI\$: «Вот и прекрасно. Общайся с ней. А остальные... привыкнут!»

Тef: «Легко говорить. Не тебе в мужском туалете натянули на голову мешок».

LI\$: «Да уж...»

Тef: «У тебя никогда не было проблем в школе?»

LI\$: «Нет. Я нравлюсь людям!»

Tef: «Ну конечно! Ты наверняка неотразим! А я вот тоже думала, что нравлюсь людям! Но сегодня я столько узнала о себе...»

LI\$: «И что же ты узнала?»

Tef: «Да всякие гадости!»

LI\$: «Я люблю гадости! ☺»

Tef: «Мне пора на урок!»

LI\$: «Так нечестно! Ты не сказала, какие гадости!»

Tef: «Ну, держи на затравку: Я толстая! Так все говорят с тех пор, как я приехала!»

LI\$: «А ты этого раньше не замечала?»

Tef: «Что?? Нет! Не замечала! Спасибо, блин, что утешил! Вы все такие тактичные в своей культурной столице!»

Я убрала телефон и пошла на урок. Последние три урока прошли без происшествий, только когда уходила, какой-то парень шлепнул меня по попе и нагло предложил:

– Погуляем, рыжик?

Я не ответила и выскочила из школы. До квартиры отца я добралась на метро за 10 минут.

Пообедала яичницей с чаем и пошла делать уроки. Задавали в гимназии много, куда больше, чем в родной школе.

Мне позвонила мама, сообщившая, что прекрасно устроилась и у нее все хорошо. У меня язык не повернулся сказать, будто у меня все плохо, и я соврала, что с отцом лажу, в школе меня приняли хорошо, школа мне нравится.

А что мне оставалось? Если она в Англии, а я здесь? Конечно, я могла попросить материнского совета. Но сомневаюсь, что он оказался бы полезен.

Вечером я зашла в Интернет, чтобы найти ответ на вопрос из учебника по истории, и получила сообщение от Лиса.

LI\$: «Выходи после школы на балкон. Эксперт по женской фигуре оценит тебя!»

Tef: «Вот еще!»

Он ответил мне через пять минут.

LI\$: «Стесняешься? Ну хочешь – просто подойди к балконной двери, а я возьму бинокль!»

Tef: «А хочешь – спускайся на улицу... Я сломаю тебе вторую ногу?»

LI\$: «Это попытка назначить мне свидание? Если ты к каждому делу подходишь так издалека, ничего удивительного, что ты не поладила с ребятами из школы!»

Tef: «Я не поладила с ними, потому что это невозможно! Им не нужно ладить со мной, им нравится издеваться!»

LI\$: «И что ты намерена с этим делать?»

Tef: «Хороший вопрос. Такой нужный!»

LI\$: «Я подумал, возможно, у тебя есть план?»

Tef: «Нет у меня плана #».

LI\$: «Так, может, время им обзавестись?»

Tef: «Ну ладно! Мой план прост: вынести этот год и уехать домой!»

LI\$: «Это не план. А фигня».

Tef: «Может, просветишь, каким должен быть идеальный план?»

LI\$: «Конечно, соседка! Перво-наперво тебе надо понять, кто за всем стоит!»

Tef: «А если это группа людей?»

LI\$: «У любой группы есть лидер! Вычисли его».

Tef: «И что мне это даст?»

LI\$: «Это даст тебе цель и откроет перед тобой мишень. Ты сможешь защищаться!»

Tef: «Нападая?»

LI\$: «Конечно!»

Tef: «Я не собираюсь уподобляться ребятам из школы. И не уверена, что нападение поможет!»

LI\$: «Нападение – лучшая форма защиты. Если не веришь мне, поверь Александру Македонскому. Ты же не думаешь, что он может ошибаться?»

Я не отвечала, размышляя над его словами.

LI\$: «У меня гости. До завтра».

Tef: «Пока!»

LI\$: «Но имей в виду...»

Tef: «Что?»

LI\$: «Если хочешь знать, толстая ты или нет, свистни! Балкон, бинокль, все в силе!»

Tef: «МНЕ ВСЕ РАВНО, кто и что думает обо мне! Я такая, какая есть!»

LI\$: «И какая же? Пышка-лгунишка? ☺»

Tef: «Мое предложение насчет твоей второй ноги тоже в силе!»

Он вышел из сети, а я устала на велотренажер, как на своего злейшего врага. И мне даже показалось, что он смотрит на меня укоризненно. И чтобы не видеть его, я накинула на него покрывало.

Спустя полчаса в дверь комнаты постучал Андрей, который вернулся с работы.

– Есть будешь? – спросил он.

Я вышла в прихожую. Я могла поужинать и без него, но почему-то не стала. Не то чтобы мне очень сильно хотелось ужинать с ним вместе... Или я врала себе? Мне было одиноко, так одиноко, что я была готова ужинать с тем, кого ненавижу, лишь бы не одной.

Мы прошли на кухню.

На барной стойке стоял пакет из ресторана.

– Ты никогда не готовишь? – уточнила я.

Он достал из пакета коробки и поставил передо мной.

– Еда еще теплая, только приготовили. Нет, я не готовлю. Зачем? Ресторан на первом этаже.

– У богатых свои привычки. – Я открыла коробку. Внутри было несколько секций, в одной дымился сочный бифштекс, в другой секции был салат, в третьей картофель, а в еще одной бутерброд с икрой.

Я взглянула на отца. Он даже бутерброды не утруждался себе делать.

– А мы с мамой любим готовить.

– Молодцы.

Это было сказано с сарказмом, как мне показалось. Я молча принялась за еду. Когда мы уже пили чай, Андрей спросил:

– Как в школе?

– Все прекрасно! – соврала я.

– Да? Настолько прекрасно, что директор звонит мне на работу и говорит, что моя дочь облила мальчика в столовой чаем.

– Тебе звонил директор? – Я была потрясена. Второй день в школе, а на меня уже донесли. В своей старой школе я проучилась девять лет, ни разу за эти годы моей маме не звонил директор.

– Так что там произошло?

Я тяжело вздохнула.

– Один гад, проходя мимо, бросил мне в чай кусок земли. Вот я и плеснула на него. Это увидел учитель.

Андрей покосился на меня как будто одобрительно.

– А ты с характером. И что же, учитель не сказал парню, что чай с землей – это повод выплеснуть его?

Я тряхнула косой.

– Мне не поверили. Парень прикинулся агнцем, девчонки, сидящие рядом, приняли его сторону, а кружку с землей быстренько унесла дежурная. Я осталась виноватой, и меня еще прощения заставили просить.

– Просила?

– Пришлось! Что я могла?

– Ну не знаю. Стоять на своем. Потребовать вызвать завуча, а дальше разбираться у директора. Впрочем, если ты так поступишь, то тебе придется быть паинькой, ты лишишься возможности отомстить.

– Что? Отомстить?

Боже! Надеюсь, я ослышалась.

– А что, в тебе совсем нет жажды мести? – изумился он.

– Кто из нас взрослый? Ты должен сказать, что месть – это плохо. Сказать, что конфликтов лучше избегать, нужно искать компромисс, а ты...

Он повел плечом.

– Ну, если тебе нравится пить чай с землей, а потом просить у всяких козлов прощения, то конечно.

Я стремительно поднялась и бросила:

– Прошу прощения, но я сыта и пойду в комнату.

Он оценил мою колкость, но ничего не сказал, лишь усмехнулся.

Глава 4

Фото из раздевалки

Я старалась. Пыталась быть дружелюбной, уходить от конфликтов, никому не навязывалась. Но на третий день мне в столовой в толкучке у буфета размазали по одежде повидло. На четвертый день прицепили на спину стикер с почасовым тарифом, а на перемене я улетила с лестницы от подножки. На пятый день я увидела распечатку, которую передают из рук в руки. На ней было фото из мужского туалета, где на стене был мой номер телефона, а снизу подпись: «Недорого». Днем позже мне залепили в волосы жвачку, которую я вырвала с клоком волос.

Я приходила домой, плакала, отстирывала одежду и мазала зеленкой синяки. Вечером мы с отцом ужинали, он неизменно спрашивал: «Как в школе?», я неизменно врала, что все прекрасно. Он, конечно, не верил, но в душу с расспросами не лез. Маме по телефону я тоже врала. Правду знали лишь Таня и мой виртуальный знакомый Лис. Подруга убеждала меня, что одноклассники очень скоро меня узнают и полюбят. Видимо, она сама так любила меня, что даже представить себе не могла, что кто-то может относиться ко мне иначе. А Лис твердил, что я должна дать отпор именно тому, кто стоит за этими нападками. Он не понимал, что все это были разные ребята.

Я сидела на перемене в дальнем углу столовой и перебрасывалась сообщениями с Лисом. Мы подружились, я уже не представляла свой день без его язвительных комментариев. Хотя, сколько ни спрашивала, имя свое он открыть не захотел. Уж не знаю, почему он его скрывал. Может, хотел привнести в нашу переписку таинственности.

LI\$: «Вместо того чтобы прятаться по углам, общалась бы со своей подружкой! Пусть другие видят, что ты не одна».

Tef: «Она не моя подружка. У нее нет, похоже, времени на друзей, она посещает множество секций».

Мы с Лией общались, но не слишком часто. Она была одиночкой, как и я, но я успела понять, что ее никто не достает, однако относятся к ней как-то настороженно. Причины я не знала, а сама Лия о всеобщей отчужденности не говорила.

LI\$: «Может, и тебе записаться в какую-нибудь секцию?»

Tef: «В какую?»

LI\$: «В бассейн!»

Tef: «Ты на что-то намекаешь?»

LI\$: «У тебя паранойя!»

Tef: «Отец сегодня предложил мне бегать вместе с ним! Ты предлагаешь записаться в бассейн! А у меня паранойя...»

LI\$: «Ну тогда спроси подружку свою. Сама говоришь, она посещает множество секций!»

Tef: «Я так и поступлю! До вечера!»

Tef: «И знаешь, бассейн – плохая идея, чего доброго меня там утопят!»

LI\$: «Круглые не тонут».

LI\$: «Шутка ☺».

LI\$: «Может, устроим чаепитие на балконах? Скажем, в шесть? Что ты любишь к чаю? Или к кофе?»

Tef: «Я не сладкоежка!»

LI\$: «Отлично. До шести!»

Тef: «До шести!»

Я выходила из столовой, ко мне подрулил Вова. Фамильярно закинул руку на плечи и сказал:

– Я подошел извиниться.

Я скинула его руку.

– Поздновато.

– Никогда не бывает поздно, если чувствуешь свою вину.

– Да неужели!

– Я понимаю, что ты сердишься. И ты права в этом на все сто. Просто хотел сказать, что я жалею. Ну ладно, тебе, наверно, пора!

Я ничего не ответила и ушла. Не знала, можно ли ему доверять и искренне ли он просил прощения. У него в любом случае вышло слишком нахально!

После урока я подошла к Лии, одетой в строгое серое приталенное платье, и спросила:

– Ты не могла бы подсказать мне какую-нибудь секцию?

– Конечно, – улыбнулась одноклассница, – чем ты любишь дома заниматься?

– Всем понемножку.

– Может, бассейн?

Я почувствовала, что краснею, но все-таки уточнила:

– Почему ты так думаешь?

– Вода способствует хорошему настроению. У нас в школе прекрасный бассейн, тебе понравится!

– Спасибо, подумаю.

– Если что, сегодня в четыре занятие.

До конца уроков я размышляла, стоит ли мне идти в бассейн. Раньше я бы не задумываясь записалась самой первой в подобную секцию. Летом я обожала купаться в Ахтубе или в Ашулук, могла часами сидеть в воде, я хорошо плавала. Ребята из моей старой школы и мечтать о бассейне не могли. А здесь он был. Но последние события вселили в меня неуверенность. То, что для меня раньше было естественным: переодеваться при девочках, уверенно чувствовать себя в купальнике, – теперь вызывало стеснение. Я знала, что надо мной будут смеяться, хотя и не понимала, чем заслужила этот злой смех.

Приехав в квартиру отца, я достала из чемодана купальник и шапочку, мама положила их, заявив, что в Петербурге есть аквапарки.

Повертев в руках купальник, я примерила его, подошла к зеркалу и задумчиво оглядела себя со всех сторон. Я не понимала, что во мне не так. Может, я и не самая худая, но я не выглядела откровенно. Вполне нормально.

После недолгих раздумий я взяла телефон и написала Лису.

Тef: «Можешь выйти сейчас на балкон?»

LI\$: «Могу! А в чем дело?»

Тef: «Выйди. И возьми бинокль!»

Сама я завернулась в полотенце и после нескольких секунд, которые я взволнованно стояла перед стеклянной дверью, вышла на балкон.

Друг уже сидел у себя на балконе, держа в руках бинокль.

Он помахал мне. Я отпустила полотенце, и оно упало на пол. Мой друг присвистнул. Я услышала его свист и засмеялась. Он поднес бинокль к глазам. Некоторое время смотрел, затем показал мне крутиться. Я повернулась. А потом мне вдруг стало очень стыдно за свое поведение, я наклонилась за полотенцем и сбежала в комнату. Телефон, автоматически подключающийся к Сети, пиликнул, пришло сообщение.

LI\$: «Что это было?»

Тef: «Ты мне скажи!»

LI\$: «О, Афродита, что именно сказать?»

Tef: «Могу я пойти в бассейн?»

LI\$: «А почему нет????»

Tef: «Ты ведь знаешь, меня дразнят...»

LI\$: «Наплюй! Я не увидел причин для издевок».

У меня сердце зашлось от радости в бешеном ритме.

Tef: «Спасибо! Ну тогда я помчалась!»

LI\$: «Попутного ветра!»

Я быстро собрала в сумку полотенце, расческу, тапочки, шапочку и выскочила из квартиры. До начала занятий оставалось всего полчаса.

Прежде чем пройти в раздевалку, я пошла к тренеру. Но, зайдя в кабинет, увидела лишь молодого парня, видимо, тоже дожидającego тренера. От него так вкусно пахло, я даже чаще задышала, чтобы нанюхаться всласть.

Я спросила:

– А где тренер?

Парень обернулся, и я увидела бейджик с его именем «Емельянов Даниил Васильевич» и поняла, что попала впросак – он и был тренером.

– Ой, простите. – Я перестала дышать. Мое нюханье мне показалось ужасно неприличным, я почувствовала, что краснею.

– Ничего. Хочешь записаться на тренировку?

– Да, если можно.

Не дышать от стыда и лепетать не в моей манере, но что-то было в нем такое... Я задохнулась.

Он сел за стол. Открыл тетрадь и вписал мое имя. А затем поднял на меня светло-серые глаза и, то ли спрашивая, то ли утверждая, сказал:

– Ты та новенькая...

Я кивнула. Моя слава бежит впереди меня. Может, он видел мой телефон и имя на стене в мужском туалете. Или наблюдал один из моих позоров с повидлом, полетом с лестницы или жвачкой. Как бы там ни было, ничего хорошего он знать обо мне не мог. Никто в этой школе ничего хорошего обо мне не знал.

– Можешь идти переодеваться, – сказал тренер.

В раздевалке уже находились другие девочки. Среди них были Кира и Лия. У меня в носу все еще жил дивный аромат парфюма тренера. Вот бы узнать, как называется. Хотя узнаю – и что? Куплю и надушу подушку, чтобы крепче спалось? Смех! Или подарю его Макс, когда вернусь! И буду нюхать его!

– Поросяенок решил похудеть, – ехидно обронила Кира, облаченная в ярко-красный купальник.

Я проигнорировала ее слова и принялась переодеваться, стараясь ни на кого не смотреть. И поздно заметила, что Кира меня сфотографировала на телефон.

Я натянула свой серо-голубой купальник и бросилась к ней.

– Удали!

– Не-а. – Кира тряхнула челкой и выскочила с телефоном из раздевалки. Я побежала за ней, но резко остановилась, увидев, что Кира стоит у бассейна с двумя парнями и показывает им мое фото.

У меня внутри все задрожало, я почувствовала, что сейчас разрыдаюсь. Кто-то тронул меня за плечо, но я стояла, впившись взглядом в одну точку, не в силах двинуться и вымолвить хоть слово. В горле был ком.

– Все в порядке? – раздался голос тренера.

Я не ответила. Он прошел к Кире и парням, заглянул девушке через плечо. После чего резко выхватил у нее телефон.

– Эй, ты чего! – возмутилась девушка. – Отдай! Даня!

Тренер показал ей телефон и выкинул его в бассейн. А затем отвесил Кире подзатыльник, схватил за руку и потащил к раздевалке.

– Чтобы я тебя больше здесь не видел! – сказал он ей.

Она обернулась и прошипела:

– Ты пожалеешь! Клянусь! И твой папочка-директор тебе не поможет! Ты нарвался!

Так вот почему тренер так молод. Он сын директора школы. Все встало на свои места. Конечно, он не был нашим ровесником, но и в школе уже не учился, скорее всего, в институте.

Из раздевалки вышла Лия в белом купальнике со шнуровкой на груди, белой шапочке, с очками на шее, она сказала тренеру:

– Привет.

Он посмотрел на нее с таким раздражением, словно это она провинилась, и буркнул:

– Шесть бассейнов для разминки.

Она вошла в бассейн и, красиво нырнув, поплыла кролем. А тренер подошел ко мне и сказал:

– Не бери в голову, они просто дурочки избалованные!

Все-таки он знал, что меня достает не только Кира, иначе не сказал бы «дурочки» во множественном числе. Он знал, и оттого мне стало еще более неловко.

– Давай заниматься, – предложил тренер и обезоруживающе улыбнулся. – Ко мне можно на «ты» и обращаться просто по имени.

Представляю, сколько юных сердец учениц он разбил своей улыбкой. Данила был высоким и широкоплечим, со стройной спортивной фигурой, правильными чертами лица и немного вьющимися русыми волосами.

Я вошла в бассейн и проплыла пару метров.

Данила присел на другом конце бассейна на корточки, поджидая, пока я подплыву.

– Покажи, как ты плаваешь кролем. – Он протянул мне подводные очки.

Я показала, на что он сказал:

– Будем учиться.

А я всегда была уверена, что умею. Он показал мне правильное движение руками и дал упражнение: проплыть бассейн на одном боку, а на другом в обратную сторону.

– Даня, я проплыла шесть бассейнов, – сказала Лия, пока я выполняла задание.

– Оболенская, давай еще три с досочкой!

Она не возразила и взяла доску из пенопласта.

А Даня дождался меня и дал упражнение на дыхание. Следовало опуститься под воду и не дышать.

Под водой я провела совсем недолго. Тренер мне даже время не сказал, чтобы, видимо, не огорчать.

– Потом будет лучше, – заверил он, выдал мне ласты и попросил проплыть бассейн под водой без воздуха сколько смогу.

Я выныривала дважды, прежде чем достигла бортика бассейна.

Лия и другие ребята, которые уже прекрасно плавали кролем, занимались на крайних дорожках. Даня давал им задания на время, ребята соревновались и, как мне показалось, получали от занятий огромное удовольствие.

Я же попеременно плавала то на одном боку, то на другом. Потом к этому упражнению добавилось движение рукой, как в кроле. Затем мне пришлось плыть на боку, задерживая дыхание и дышать лишь на третьем гребке.

Когда же под конец занятия все изученные по отдельности элементы кроля были мною применены, я осознала, что плавать раньше не умела. Вернее сказать, вообще представления о правильном кроле не имела. Да и сейчас у меня получалось неважно.

– С каждым занятием будет лучше, – точно прочитав мои мысли, сказал Даниил, когда я выходила из бассейна. – Жду тебя на следующей неделе.

Проходящая мимо Лия взглянула на него и лукаво улыбнулась.

– И меня ждешь?

– Тебя не жду. Но ты все равно придешь.

Мне это показалось грубым с его стороны. Конечно, я не знала подноготную их отношений, но все-таки такой милой девушке, как Лия, можно было бы и помягче отвечать. Но Лия, похоже, не обиделась, шепнула:

– Ты хорошо меня знаешь.

– Лучше, чем хотелось бы, – без тени улыбки произнес Данила и зашагал в кабинет. А Лия обернулась ко мне.

– Как тебе тренировка?

– Здорово! Мне понравилось!

Домой я не шла, а летела на крыльях радости. Я прогулялась вдоль канала и добралась до квартиры отца на автобусе.

На ручке двери я обнаружила пакет, в который не сразу решилась заглянуть. В пакете оказалась розовая симпатичная коробочка с разноцветным печеньем «Масагон». К ним прилагалась записка: «К чаю!»

И только тогда я вспомнила о назначенной встрече на балконе и чаепитии. К счастью, у меня даже оставалось время заварить чай.

Ровно в шесть я вынесла на балкон маленький столик, стул и принесла поднос с чашкой чая и коробкой печенья.

Мой сосед уже был на месте. Перед ним стоял блестящий чайник, кружка и плетеная корзинка.

Я помахала и не удержалась, крикнула:

– Спасибо за угощение!

Он написал мне:

LI\$: «Приятного аппетита!»

Tef: «И тебе!»

И мы приступили к чаю с печеньем. Я такого никогда не ела, оно оказалось миндальным, очень нежным и вкусным.

LI\$: «Как бассейн?»

Tef: «Просто отлично. Представляешь, одна одноклассница сфотографировала меня в раздевалке и показала парням, а тренер вступился, отобрал у нее телефон, дал подзатыльник и выгнал!»

LI\$: «Какой герой!»

Я сама не поняла почему, но уловила в его словах сарказм.

Tef: «Да, герой! Иначе бы мое фото гуляло по всей школе!»

LI\$: «Значит, тебе понравилось заниматься?»

Tef: «Очень!»

LI\$: «А может, тебе понравился тренер?»

Я не стала лукавить.

Tef: «Может! ☺»

LI\$: «Интересно, есть ли у него девушка!»

Tef: «Конечно, есть! У таких – всегда есть девушки!»

LI\$: «Таких? Это каких?»

Тef: «Красивых, уверенных в себе, добрых, способных постоять за слабого!»

LI\$: «Ну просто принц! Наверняка с ТАКИМ тебе ничего не светит! ТАКИЕ предпочитают девочек немного другого типа».

Во мне начала закипать злость.

Тef: «Не понимаю, к чему ты это? Я вроде и не говорила, будто на что-то рассчитываю!»

LI\$: «А тебе и не нужно говорить, ты вся прям источаешь влюбленную ауру, сердечек над головой только не хватает».

Тef: «Я не буду тебе больше ничего рассказывать!»

И я демонстративно отложила телефон, чтобы он видел. И взяла кружку и печенье. Я видела, что экран мигает, приходят сообщения. Наконец, экран погас.

Мы пили чай, глядя друг на друга с балконов, и ели печенье. А после я ушла, махнув на прощание рукой.

И уже в комнате прочитала сообщения, которые он мне отправил.

LI\$: «Я сказал лишь то, что думаю».

LI\$: «Обижаешься?»

LI\$: «Обижайся!»

Я ему ничего не ответила. Он испортил мне настроение. И не потому, что сказал, будто у меня ничего не получится с парнем, в которого я влюбилась. Нет, я не влюбилась. Мне было приятно, что хоть кто-то в этом недружелюбном городе постоял за меня. А мой друг, хотя и неизвестно, друг ли, вместо того чтобы порадоваться за меня, как и мои одноклассники, лишь напомнил, что я какая-то не такая. Да и о какой влюбленности может идти речь? Дома меня ждет Макс. Ну, может, и не ждет, но я вернусь, и мы пойдем в кино. Я здесь на год, мне бы просто выжить в школе и благополучно вернуться домой.

Глава 5

Дневник с секретами

С Лисом я не общалась три дня. Каждый вечер моя рука сама тянулась к телефону, чтобы написать соседу, но я сдержалась. Не хотела навязываться. И я понимала, что если сама напишу ему, он так и не поймет, что обидел меня.

Но мне очень его не хватало. Особенно учитывая, что в школе все становилось только хуже. Меня продолжали мучить, издевки одноклассников и ребят из других классов не прекращались. Иногда мне хотелось просто взять рупор в директорской и спросить на всю школу: «В чем я виновата?»

С отцом я мало общалась. Он подвозил меня до школы после своей утренней пробежки, а вечером мы ужинали тем, что он покупал в ресторане. О том, что пошла в бассейн, я ему не говорила. Не хотелось увидеть на его лице одобрение в духе: «Ну наконец-то она признала, что ей надо худеть!»

Так вышло, что на вторую тренировку в бассейн я пришла чуть раньше положенного.

Данила сидел на бортике рядом с Лией, уже переодетой в купальник, и они о чем-то негромко разговаривали. Но, заметив меня, тренер быстро поднялся и, приветливо улыбнувшись, зашагал ко мне.

– Ты рановато.

Я смутилась.

– Так получилось.

Лия нырнула и уплыла на другой конец бассейна. А Данила вручил мне досочку и ласты, предложив:

– Разминайся пока, пять бассейнов.

А сам прошел к крайней дорожке, где плавала Лия, и крикнул ей:

– Оболенская, ты можешь лучше! Полминуты своему же предыдущему результату проиграла. Не хватило скорости!

Лия сняла очки и, положив руки на бортик, сказала:

– Скорость – прерогатива кроликов, наслаждайся техникой!

Он хмыкнул. Между ними определенно была какая-то химия.

Я заметила, что среди прибывших к занятию ребят появилась и Кира. Она подошла к Даниле, они зашли в кабинет, захлопнув за собой дверь. И спустя пять минут оттуда вышла счастливая Кира, с разбега плюхнувшаяся в бассейн.

За ней вышел тренер и, увидев ее прыжок, крикнул:

– Кира, тебе не помешало бы научиться читать. – И он указал на объявление: «С бортиков не прыгать». Кира скорчила виноватую мину и прошептала: – Даня, ну прости!

Похоже, он простил. И за прыжок, и за мою фотку. Милосердно.

Сегодня было особенно много девчонок, пришла и подружка Киры Яна. Проплывая мимо меня, Яна шепнула:

– Гребь быстрее, кабачок, иначе не поможет!

Я пропустила ее издевку мимо ушей. Сюда я пришла слушать тренера, что я и делала. Он уделял мне и еще одному новичку больше времени, чем всем остальным, мне это необычайно льстило. Даже на призывные взгляды Киры и ее кокетливый смех не обращал внимания. Хотя, может, он на людях просто умело скрывал свой интерес. В любом случае мне стало очевидно: Кира считает его своим, потому что вела она себя как собственница. И судя по тому, что он позволил себе отвесить ей подзатыльник, утопил ее телефон и простил довольно

быстро, их отношения выходили за рамки приятельских и не ограничивались общением тренера и ученицы.

Когда тренировка закончилась, Данила задержал меня и еще раз объяснил, как правильно дышать при кроле.

Я пришла в раздевалку, но там уже никого не было. Возможно, тренер нарочно меня задержал, чтобы другие девочки не задирали в раздевалке.

Я уже оделась, высушила волосы и хотела уходить, но мое внимание привлек черный блокнот под скамейкой. Я подняла его. Это был дневник на замке. Весь черный, толстый, с блестящим замком.

Я положила его в пакет и торопливо вышла из раздевалки в надежде, что застану девочек в гардеробе и смогу спросить, кто потерял дневник. Но почти в дверях я столкнулась с Кирой, она толкнула меня.

– Уйди с дороги, кобыла! Я тут кое-что оставила!

Я замешкалась на секунду, а она смерила меня насмешливым взглядом и спросила:

– Что, на тренера глаз положила? Даже не мечтай!

Я уже было сунула руку в пакет, коснувшись дневника, но в последний момент отдернула ее и зашагала прочь.

Теперь я знала, чей это дневник с секретами под замком. Ну что, наверно, это судьба. И она улыбнулась мне.

Дома я, забыв про обед, обычно после плавания зверски хотелось есть, схватилась за столовый нож. Но вовсе не для того, чтобы отрезать себе булки и колбаски, которой у нас все равно не было, ибо мой отец питался в ресторанах. Я принялась ковырять замок дневника, чувствуя себя преступницей.

Нож мне не помог, тогда я достала из чемодана свою медкарту, на которой была скрепка. Этой скрепкой я ковыряла, наверно, полчаса, наконец, замок щелкнул и открылся. У меня сердце ухнуло куда-то в желудок. Дрожащими руками я открыла дневник. Он был весь исписан черной ручкой – неразборчивым убористым почерком.

Я открыла первую страницу и увидела фотографию парня, стоящего полубоком на закате у канала. Вода блестела на солнце, лица парня было не видно, а на голове у него был капюшон от толстовки. Но мне почему-то сразу показалось, что это Данила, та же фигура и спортивный стиль.

Я перевернула фото, на ней стояла дата двухлетней давности. Других фотографий в дневнике не было. Я нашла лишь между страниц засохший маленький кленовый листок.

Вернувшись к первой странице, я устроилась на диване и углубилась в чтение. Меня затянуло сразу и бесповоротно. И мир дневника ожил для меня.

Пусть любовь моя донесется до него шепотом ветра, дрожью утренней росы на осенней листве, теплом первых лучей на рассвете и криками птиц в небесах. Я узнаю его в каждом мгновении этого мира. Его глаза – это туман вечерами. Его улыбка – солнца восход. Волосы цвета тлеющей сухой ржи. Его голос и смех – музыка для моего кружащегося в тишине сердца. Его безразличие – холод стали, кромсающий душу.

Однажды там, где был лед, побегут весенние ручьи и в сердце, где поселилась зима, придет весна. Способная прощать и дарить обещание...

А пока...

У меня голова кружится, когда он проходит мимо. От запаха его духов я пьянею, точно от вина. Я зову про себя его Л. Любимый.

Я столкнулась с ним в школе на лестнице и, не зная, что сказать, пробормотала:

– Привет.

– Ты заблудилась, малыш? – с улыбкой спросил он.

У меня внутри заныло, я смотрела на него и молчала. Если бы он только знал, какое безумство царит у меня в голове, когда он рядом. Но он не знает ни о моем безумстве, ни обо мне. Я просто девочка из восьмого класса, а он выпускник.

А сегодня еще и дежурный по этажу.

– Проводить тебя до класса? – предложил он.

– Проводи, – выдохнула я.

Я не осмеливалась на него смотреть. Мне казалось, что моя любовь к нему в глазах, точно в зеркалах, напротив которых пылают костры, выдаст меня.

– Будешь шоколадку? – Его вопрос заставил меня вздрогнуть. Он протягивал мне шоколадку.

Я неловко отломил кусочек.

– Спасибо.

Наши взгляды встретились, мы были так близки, как еще никогда. И он смотрел на меня не как раньше, по-другому, словно впервые увидел.

– Ты симпатичная, – брякнул он и рассмеялся.

Я тоже засмеялась, не выдержала нервного напряжения.

– Ты тоже.

– Здорово быть симпатичными, да?

Я кивнула.

– Эй, привет! – раздалось вдруг, разбивая нашу близость как елочную игрушку, вдребезги, об пол, на миллион осколков.

Перед нами стоял его двоюродный брат Л. Они немного похожи и учатся в одном классе. Его я зову Б. Брат.

Б. тоже отломил плитку шоколада и, закинув в рот, поинтересовался у меня, кивнув на Л.:

– Он с тобой любезничает? Ты только скажи, если он пристаёт!

Я покачала головой. Да я все на свете бы отдала, лишь бы Л. ко мне пристал. Но Б. это было неизвестно, и он подколот:

– Что, братишка, на маленьких девочек потянуло?

– Дурак ты! – фыркнул Л. И, улыбнувшись, посоветовал мне: – Иди на урок!

И ушел, даже не взглянув, послушалась я его или нет. Мы остались с Б. наедине. Он оценивающе скользнул по мне взглядом и предложил:

– Хочешь пойти на тусовку?

– А куда?

Он вынул из рюкзака флаер, на котором было напечатано: «20:00, пенная вечеринка, вход только в купальниках», – и протянул мне.

– Но об этом никому ни слова, идет?

– Да.

– Ну и умница. Без пяти восемь у школы. Я буду ждать тебя.

Еще не пообещав, что приду, я уже придумала, что совру родителям.

С чтением чужого дневника я совсем забыла вытащить из сумки мокрый купальник и полотенце. Я сполоснула купальник и вышла с тазом вывесить на балкон.

Лис сидел на своем балконе и, заметив меня, помахал. Я махнула ему в ответ.

Я быстро развесила полотенце, купальник и прицепила щепкой шапочку. Мне не хотелось уходить, я жаждала поделиться с кем-то своим поступком.

Парень словно почувствовал мое настроение, потому что в его руках оказался лист А4 с надписью черным маркером «Прости».

Я с облегчением кивнула и, присев на стул, достала телефон и напечатала:

Tef: «Все забыто!»

LI\$: «Я скучал по тебе!»

Tef: «Я тоже!»

LI\$: «Как у тебя дела?»

И я как на духу призналась.

Tef: «Я сегодня в раздевалке после бассейна нашла дневник на замке. Хотела его отдать, но когда поняла, что он принадлежит девчонке, которая меня постоянно задирает, оставила себе. Вскрыла замок и... читаю!»

LI\$: «Пациент выздоравливает!»

Tef: «Ты считаешь, я очень скверно поступаю?»

LI\$: «Ну конечно! Читать чужие дневники – что может быть мерзче... и интереснее! Что пишет твоя обидчица?»

Я замешкалась. Одно дело – самой читать, и другое – еще трепать всем об этом.

Tef: «Ай, любовная чушь какая-то».

LI\$: «Прикольно! Ты сможешь ее шантажировать!»

Tef: «Да ты что! Я в жизни не смогу признаться, что читала. Она меня убьет!»

LI\$: «Ты получила не просто дневник. Ты получила власть! Распорядись ею разумно!»

Tef: «Шантажировать человека – это, по-твоему, разумно?»

LI\$: «В твоём случае – да! Или у тебя в школе все наладилось?»

Tef: «Какое там! Все становится только хуже!»

Tef: «И что же мне делать? #»

LI\$: «Ты можешь распечатать дневник и распространить по школе!»

Tef: «После этого по школе распространят меня – по кусочкам!»

LI\$: «Или тебя – целую, ни кусочка не оторвав, коронуют!»

Мы еще недолго поболтали, и я отправилась делать уроки. Вечером, после ужина с отцом, я не вышла в Интернет, чтобы списаться с моим соседом, а засела читать дневник. Так странно было узнавать Киру совсем с другой стороны. Ко мне в руки действительно попало серьезное оружие.

Б. не обманул. Он ждал у школы, но меня одну. С ним были одноклассницы и девчонки из параллельных десятых и одиннадцатых. Ни одной девятиклассницы, и тут появляюсь я – восьмиклашка. На немые вопросы девушек Б. рассмеялся и сказал: «Девочка брата» – и развел руками.

Для меня эти слова прозвучали как самая восхитительная мелодия на свете.

Б. выкрутился и не запачкался, а мне подмигнул, мол, храни наш секрет. И пятнадцать минут я была девушкой Л., пятнадцать лучших минут в моей жизни.

А потом пришел Л. и все испортил.

Мы уже все переоделись в купальники и сидели на бортиках бассейна. Кто-то плавал, кто-то болтал, кто-то целовался по углам.

Л. пришел позже остальных, он даже не переоделся, так и остался в джинсах, босиком и без футболки.

К нему подошли девчонки и, указав на меня, спросили:

– Это что, правда твоя девушка?

Л. недоуменно уставился на меня и сказал:

– Вас кто-то разыграл. И я даже догадываюсь кто! – Он поискал глазами брата и помахал ему. – Иди-ка сюда!

Б. замотал головой и проорал:

– Ни за что!

А девочки недовольно смотрели на меня. Одна из них сказала:

– Тогда ей нечего здесь делать! Кто ее вообще пригласил?

Другая девочка, повиснув на плече Л., вздохнула:

– Я думала, это вечеринка для старшеклассников. А твой брат устроил тут какую-то группу продленного дня для детей.

Л. подошел ко мне и спросил:

– Девочка, а родители не будут тебя искать?

Я помотала головой и, взглянув на него, спросила:

– Мне уйти?

Он молчал, а девочки нестройным хором воскликнули:

– Ну да!

– Иди домой!

– Проваливай!

Я поднялась и собиралась уйти, но к нам подошел Б., он уже был не в меру весел. Он подхватил меня на руки и, покружив, швырнул в бассейн. Конечно, откуда ему было знать, что я плавать не умею?

Я сразу как ушла под воду, от страха наглоталась воды. Грудную клетку сдавило от боли, я бултыхалась в воде полутемного бассейна, пока чьи-то руки не ухватили меня и не вытащили на поверхность.

Я тогда не разобрала, кто это был. Меня уложили на кафельный пол, и надо мною появился Б. Но он тут же поднял меня, встал на одно колено, на другое положил меня животом и надавил на спину. У меня изо рта хлынула вода, я закашлялась.

Придерживая за плечи, Б. поставил меня перед собой и напряженно спросил:

– Плавать не умеешь?

– Нет.

Он меня слегка встряхнул, точно проверяя, смогу ли я стоять на ногах, и сказал:

– Иди лучше домой.

Я пошла в раздевалку и, проходя мимо Л., заметила, что у него мокрые джинсы. Это он вытащил меня из воды. Я остановилась возле него, но элементарное «Спасибо» не шло с языка. От него даже после прыжка в воду головокружительно пахло духами «Black».

– Уходишь? – нарушил он тишину.

– Ага. Меня и пригласили наверняка, чтобы выгнать.

Мои слова заставили его нахмуриться, он посмотрел на Б., который целовался с какой-то девицей, и пробормотал:

– Нет, это не так. Мой брат все делает от чистого сердца. И если хочешь – оставайся. – Он засмеялся. – Ты, кажется, сегодня обещана мне. Моя девушка на этот вечер.

У меня щеки запылали от удовольствия, понятия не имею, откуда взялись эти слова:

– Извини, но я не девушка для одного вечера. Я пойду домой.

Внутри все кричало: «Что ты несешь?». Но ноги уже вели меня в раздевалку.

Л. растерянно смотрел мне вслед.

В раздевалке, пока переодевалась и сушила волосы, я себя триста раз отругала. Ну почему я не осталась? Я мечтала об этом шансе много ночей, а когда шанс мне был дан, просто оттолкнула его.

Не знаю, сколько бы я так себя бичевала, если бы при выходе из школы, через черный ход, меня не догнал Л. Он был в мокрых джинсах, ботинках, футболке и распахнутой кожаной куртке.

– Ты извини, я не то имел в виду, о чем ты подумала. В общем, пошутил неудачно.

– Ты ушел с вечеринки, чтобы сказать это?

– Нет, я вообще ушел оттуда. Я и приходил-то, чтобы брату кое-что передать. – Он открыл скрипучую железную дверь, впуская в коридор прохладный влажный вечерний воздух.

– Ты не замерзнешь в мокрых штанах?

– Я закаленный. – Он пропустил меня вперед и вышел следом за мной. – Ну и где ты живешь? Должен же я знать, как долго я сегодня закаленный!

– Здесь недалеко. Но тебе не обязательно меня провожать.

– Мне хочется. – И, помолчав, он представился.

Как будто я могла не знать, как его зовут. Это имя, как заклинание, я повторяю про себя каждый день.

– А меня... – начала я, но он перебил:

– Знаю. Спросил у брата. Он, кстати, шлет тебе свои извинения.

– Как мило с его стороны!

– Да, он вообще милый парень.

– А ты?

– Похуже.

Я посмотрела на него.

– Я так не думаю.

– С этой фразы начинаются все истории разбитых мною сердец.

– Мое ты не разобьешь, – как можно увереннее сказала я.

Л. засмеялся.

– Тогда, может, ты разобьешь мое?

– Только с твоего разрешения.

– Ну уж нет, я тебе этого не позволю.

Мы шли вдоль канала Грибоедова с мерцающими на черной воде желтыми пятнами фонарей. Я взяла Л. за руку, он улыбнулся мне и сжал крепче мои ледяные пальцы в своей теплой ладони.

Глава 6

Все или ничего

Нам нужно было лишь к третьему уроку, литературу с русским отменили из-за больницы учительницы. До школы я решила пройти пешком. Я шагала вдоль канала, когда краем глаза заметила разноцветную вывеску «Рив-Гош». Я перешла дорогу, зашла в магазин парфюмерии и, чтобы долго не искать, попросила консультанта мне помочь. Он подвел меня к полке с мужскими духами и указал на нужный мне простой черный бутылек с изображенной под названием «Black XS» белой розой. Консультант распылил духи на длинную бумажку. Я поднесла ее к носу и с блаженством прикрыла глаза. Я знала. Это был он.

Консультант уточнил:

– В подарок берете?

Я распахнула глаза и растерянно посмотрела на него. Он протягивал мне упакованную коробочку.

– Молодому человеку? – продолжил допрос любопытный консультант.

Я посмотрела на ценник, затем на коробочку, нерешительно взяла ее, подержала в руках и, пробормотав слова благодарности, пошла на кассу. Хорошо, что у меня были с собой деньги. С родителей собирали на подарок учителю химии, уходящему на пенсию.

На подарок сдам завтра. Я вышла из магазина и, полюбовавшись покупкой, спрятала в сумку. Почему-то мой поступок меня взволновал, сердце зашлось в бешеном ритме, так, словно я совершила какое-то преступление, а не просто купила духи.

Конечно, я врала себе – это были не просто духи.

Я посмотрела на сумку, где лежала заветная коробочка.

Мне казалось, что я взвалила на себя непосильную ношу и вместе с ней хожу по лезвию ножа...

В школе на первом этаже у гардероба я столкнулась с Кирой. Она никак не могла выбрать, с какой стороны меня обойти, и, разозлившись, заорала:

– Уйди с дороги, корова!

Но я не шелохнулась с места и смотрела на нее широко распахнутыми глазами. Я теперь знала ее другой – любящей, нежной и трогательной.

Кира пронеслась мимо.

Я посмотрела ей вслед. Все-таки никак не вязался у меня ее нынешний образ с тем, что был полтора года назад. Люди меняются, причем зачастую в худшую, а не в лучшую сторону. Это, видимо, и произошло с Кирой.

Я передела сменку и пошла на урок. После третьего урока, по дороге в столовую, я встретила Данилу. Он шел в бассейн с кружкой чая и пакетом булочек с маком, оставляя за собой дивный шлейф от Расо Rabanne. Тренер остановился поздороваться со мной и спросил:

– На тренировку придешь?

– Да.

На него я теперь тоже смотрела иначе. Точно через исписанные страницы дневника Киры. Она писала о нем так, что невозможно было в него не влюбиться.

– У тебя все хорошо? – прищурил Данила глаза.

«Его глаза – туман вечерами», – вспомнилось мне. Я порозовела. Мне стало так стыдно, словно я вчера подглядывала за влюбленными в замочную скважину. А сумка, где лежала бутылочка духов в запечатанной коробочке, стала вдруг весить целую тонну, и я зачем-то

спрятала сумку за спину. Как будто он мог видеть через ткань. Как будто ему пришло бы в голову, что такие чокнутые, как я, существуют на свете!

– Все нормально.

В этот момент мимо пробежали два друга Вовы, толкнувшие меня.

– Эй, вернулись оба, – окрикнул их Данила.

Парни обернулись, переглянулись и нехотя подошли.

– Извиниться перед девушкой не хотите?

– Дань, – начал один из них, но тренер покачал головой.

– Девушка ждет.

Парни процедили извинения и ушли, а Данила широко улыбнулся.

– Если будут обижать – обращайся.

Знал бы он, что за самыми жестокими издевательствами стоит его подруга Кира, был бы он столь уверен, предлагая помощь?

– Спасибо.

В столовой я купила коробочку сока и слоеный язычок. Хотела занять самый дальний столик и поболтать с Лисом, но заметила Лию, сидящую в одиночестве с книгой. На девушке была белая блузка, на шее светло-бежевый тонкий расслабленный галстук, усыпанный мелкими черными сердечками, поверх блузы серый жакет и в тон ему короткие шорты. На ногах светло-бежевые туфли, а на капроновых колготках телесного цвета были такие же мелкие сердечки, как и на галстук.

Я подошла к однокласснице и, поприветствовав, спросила:

– Что читаешь?

Она повернула ко мне обложку. «Тихий Дон» Шолохова.

– Разве эта книга не из курса следующего года? – удивилась я.

– А почему я должна загонять себя в рамки школьной программы? У меня своя программа.

– Можно мне присесть?

– Конечно. – Она отложила книгу и устремила на меня свои ясные голубые глаза так, словно собиралась внимательно выслушать все, что бы я ни собиралась ей поведать.

– Я заметила, что ты все время одна...

– Это лишь видимость.

Я не очень ее поняла, но решила задать вопрос, который меня давно мучил:

– А почему одноклассники тебя сторонятся?

Она загадочно улыбнулась и дернула плечиком.

– Возможно, они считают меня ведьмой?

– А это так?

– Когда-нибудь узнаешь, – она взяла книгу и поднялась, – мне пора.

Все-таки свой скромный обед – сок со слоеным язычком – мне пришлось есть в одиночестве.

Перед последним уроком ко мне подошла Яна и с ходу спросила:

– Ты ничего вчера не находила в раздевалке после тренировки?

– Нет. А что?

– Ты последняя уходила, – настаивала Яна.

– И что? – изобразила я удивление.

– Ничего, ничего хорошего для тебя, если ты врешь, – проворчала Яна, отошла к окну, где стояла Кира, и шепнула ей что-то на ухо. Кира хищно покосилась на меня. Они обе заметно нервничали.

После школы я поспешила домой, налила себе кефир, намазала булку толстым слоем нутеллы и взяла дневник. Затем я вскрыла коробочку с духами и пшикнула на исписанные страницы. Комнату наполнил сладковатый, прохладно-цитрусовый древесный аромат духов.

Я думала, что прогулка за ручки под фонарями по вечернему городу сотворит чудо. Но на следующее утро в школе Л. при виде меня лишь сухо кивнул и прошел мимо. Чего ждала я? Нет, я не надеялась, что он кинется ко мне и заговорит о вчерашнем. В петербургских сумерках на берегу канала все казалось проще. В тусклом свете фонарей слишком много волшебства. А яркий свет школьных ламп все расставил на свои места, усложнил, показал истинное положение вещей, со всеми их безобразными тенями. Он выпускник, а я для него маленькая девочка.

Пока Л. делал вид, что вчера ничего не произошло и мы едва ли знакомы, пока увивался за одноклассниками, я оставалась в тени.

Его брат между тем не стеснялся оказывать мне знаки внимания: то конфеткой угостит, то приобнимет у буфета, то шепнет на ухо комплимент, проходя мимо.

Я думала, лишь мне понятно поведение Л., но вскоре я узнала, что это не так.

Ко мне подошла яркая блондинка из одиннадцатого и без предисловий сказала:

– Чтобы я тебя больше не видела рядом с ним.

Я часто видела ее с Л. Возможно, она была его девушкой. Во всяком случае, она явно представляла себя в этой роли.

– А если нет, то что? – спросила я.

Она легко провела по моей щеке длинным острым ногтем и сказала:

– Будет очень жаль портить это сладкое личико. Найди себе одноклассника, детка.

Блондинка ушла. Целый урок я думала. А на следующей перемене я посмотрела расписание класса, в котором учился Л., закапала глаза каплями и пошла к нужному кабинету.

Расчет оказался верным, Б. заметил меня и догнал. Но я не стала с ним говорить, вырвалась и убежала.

А после просто стояла в коридоре у окна. Л. сам меня нашел.

– Что случилось? – спросил он.

– Оставь меня! Мне нельзя с тобой разговаривать.

Он развернул меня к себе.

– Это еще почему?

– Потому что иначе твоя подружка обещала меня изуродовать.

– Подружка? У меня нет подружки!

– Да? Но та блондинка, похоже, этого не знала.

Л. понял, о ком идет речь, и кивнул.

– Ты можешь разговаривать со мной, – уверенно заявил он.

– Не убедил. – Я хотела уйти, но он ухватил меня за руку и обезоруживающе улыбнулся.

– И какие тебе нужны доказательства?

Я сделала вид, что думаю, а потом крепче стиснула его руку.

– Пойдем.

Мы подошли к кабинету, где у его класса должен был проходить урок, и все это время я держала Л. за руку. Он косился на меня с любопытством, видимо, гадая, что я собираюсь делать. Я знала уже, что. И от этого знания у меня внутри все трепетало от ужаса и счастья одновременно.

Я нашла взглядом блондинку, пригрозившую мне, и, встав прямо напротив нее, в трех шагах, я повернулась к Л.

Он растерянно улыбался.

– Что дальше? Хочешь, чтобы я с ней поговорил?

– Нет. Разговоры не нужны. – Я поднялась на цыпочки, обхватила за шею и припала к его губам.

На глазах у блондинки, на виду у всего его класса.

Когда отступила, он смотрел на меня, не моргая. Прозвенел звонок. И я испугалась, что Л. сейчас уйдет, а я мучаюсь неизвестностью.

– Скажи что-нибудь, – едва слышно попросила я.

– Бедная блондинка. – И он улыбнулся. А мне показалось, что вошла тысяча солнц, осветив всю мою жизнь.

Мне не хотелось делать уроки, но я заставила себя. Сегодня мне предстоял серьезный разговор с отцом, я надеялась поскорее освободиться. Поэтому, когда он вернулся с работы и мы сидели за барной стойкой на кухне, я сразу же перешла к делу.

– Скоро каникулы.

– И?

Андрей как будто был не в духе, но я продолжила:

– Мне хотелось бы пригласить из Харабали подругу.

– Что-о-о? Думаешь, мне тебя мало? Еще подруги не хватало.

– Значит, нельзя?

– Нет. То есть да, совершенно исключено!

– Ясно. – Я взяла коробку с ужином и направилась прочь из кухни.

Андрей бросил мне вслед:

– Ты можешь хоть целый год есть в своей комнате одна, на меня эти штучки не действуют!

Я ничего не ответила. Отчасти потому, что догадывалась, что пригласить Таню на каникулы споры с отцом не помогут, а может, отчасти и потому, что спешила читать дневник.

Но я не успела даже присесть на диван. В окно прилетели ягоды рябины. Пришлось выйти на балкон и достать телефон.

LI\$: «Куда пропала?»

Tef: «Дела...»

LI\$: «Это ужин в коробке? Ресторан на первом этаже? Я там тоже иногда заказываю!»

LI\$: «Ну чего молчишь?»

Tef: «Не успеваю печатать и есть!»

LI\$: «Так, может, поболтаем в скайпе?»

Я отправила ему свой логин, и уже через минуту раздался звонок, а затем приятный голос промолвил:

– Вы позвонили в секс по телефону, все ваши самые дерзкие желания этим вечером...

Мое фырканье заставило его замолчать. Я чуть не подавилась беконом.

– Может, тебе пора открыть свое имя? – поинтересовалась я. – Как мне тебя звать?

– Зови меня «О мой господин». Да. Думаю, это в самый раз.

– Ага, а ты меня тогда зови...

– Теф подойдет, – перебил он. – Рассказывай, как там на войне?

– На войне? Как в любви, если не убивает, то ранит.

– И что же, тренер по плаванию сильно тебя ранил?

Я задумалась, а он поторопил:

– Да ладно тебе, мне-то можешь рассказать.

И с чего он в этом так уверен, что могу? Но я и впрямь призналась:

– Он мне нравится, конечно, но у него есть девушка.

– Ты о той доставале?

– Да, о ней. Ее зовут Кира. Это ее дневник я читаю.

– Интересный? Дашь почитать?

– Да так себе, – соврала я. Поделиться с кем-то этим дневником показалось мне чудовищным. Одно то, что я его читала, вызывало у меня приступы стенойущей совести. Что же со мной будет, если я кому-то этот дневник передам? С каждым днем он становился для меня все более личным, как если бы сокровенные мысли и признания были в него записаны мною самой.

– Я не смогу использовать дневник, – со вздохом призналась я.

– Для меня это не новость.

Я решила сменить тему:

– Как твоя нога?

Он помолчал.

– Сломана. – А после вызывающе уточнил: – А как твой лишний вес?

Я не сразу нашлась, что ответить, потом выдохнула:

– Со мной.

– Мне нравится наше постоянство, – изрек Лис. Если бы он не засмеялся, я бы, пожалуй, обиделась. Но его смех заставил меня саму рассмеяться.

Мы еще недолго поговорили, а потом попрощались, я отправилась в комнату и схватила дневник.

Его губы пахнут апельсинами. Его поцелуй – вкуса победы, сладкий и головокружительный. Тепло его рук заставляет кровь в венах, точно свинец в огне, томно плавиться.

Л. мой. Мой. Мой. Мой. Только мой. Внутри пожар. Ради его любви я пойду на преступление и уничтожу любую блондинку на своем пути.

После моего смелого представления он меня избегал. Более того, меня избегал и его брат. Избегала меня и угрожавшая мне блондинка. Я вдруг превратилась в девочку, на которую все смотрят, но ни о чем не спрашивают. Это было странное чувство всеобщего завистливого порицания. Мне было все равно.

Я наслаждалась краткими встречами с Л. в школьных коридорах и мгновениями близости, когда он проходил мимо и наши взгляды сталкивались на секунду, а я улавливала аромат его парфюма. Он прятал свои прекрасные глаза и уходил. Я ждала. Однажды эта игра ему надоест.

Но очень скоро я поняла, что ошиблась в своих расчетах.

Мы с мамой ходили по магазинам, когда я увидела их.

Л. и блондинку. Какой-то турист фотографировал их у собора. Л. обнимал одноклассницу так, как просто друг не обнимают. Они ушли, не заметив меня. Мама спросила: «Зайдем вон в тот бутик, купим тебе обновку?»

Но я сказала:

– Мне нужно домой.

– Зачем? – изумилась мама.

– Подумать.

Я не импульсивна, мне всегда нужно немного времени, чтобы все как следует обдумать, выносить план.

Мой план был прост и в то же время невероятно сложен.

Я собрала информацию о сопернице, кто она, кто ее родители, где живет, какие секции посещает, с кем дружит и куда ходит после школы.

Летом я ездила в элитный лагерь для детей знаменитостей. Моя мама – популярный в определенных кругах фотограф, и ей удалось достать путевку у благодарных клиентов.

В лагере я познакомилась с одним парнем, в свои шестнадцать он модель и частенько мелькал по телевизору. Ему-то я и позвонила и предложила услугу за услугу. С моей стороны – это бесплатная фотосессия у моей мамы и возможность попасть в иностранные каталоги, а с его...

Я сказала ему место и время, где будет блондинка со своими подругами, и звездный мальчик подсел к девчонкам за столик познакомиться.

Возможно, кто-то бы поторопился, заснял мило беседующую соперницу с красивым парнем, но мне этого было мало. Мое кредо – «все или ничего». И блондинку я хотела не просто слегка дискредитировать, я собиралась ее стереть если не с лица земли, то из контактов Л. уж наверняка.

А для этого нужно было набраться терпения.

И я была терпеливой, пока звездный красавчик окручивал блондинку. Впрочем, ему хватило нескольких свиданий, чтобы она потеряла голову от любви. Л. был забыт.

Я не позволила ей объясниться. В один из обычных серых дней школу обошла яркая новость, что блондинка встречается с САМИМ!!! И симпатичное фото целующейся парочки. Рейтинг блондинки в школе сразу возрос. Но это было временным явлением, я не переживала. Несмотря на то что звездный мальчик увлекся блондинкой, я знала – любовь звездных мальчиков подобна падающей звезде – яркая, но столь краткая, что список желаний не успеешь составить.

Одна из моих одноклассниц, назовем ее ПМ, которой я давала правильные ответы на контрольных по алгебре, доложила, что Л. и блондинка расстались. И дословно повторила слова, которыми Л. назвал свою ветреную подружку. Я не буду их приводить.

Соперница была устранена. Но еще оставался ряд нерешенных вопросов. Один из них: «Как мне вновь сблизиться с Л.?»

Утром отец по дороге в школу внезапно сказал:

– Я тут подумал... ты можешь пригласить подругу на каникулы, если хочешь.

– Правда? – Уж не знаю, что на него подействовало, моя задумчивая молчаливость или вчерашний отказ есть с ним на кухне, но я была счастлива от своей маленькой победы.

– Почему ты передумал?

– Я подумал, что тебе одиноко. Тебе нужна подруга, чтобы ты не чувствовала себя неудачницей из-за проблем в школе.

– О-о-о, – все, что я сумела протянуть. И что он мог знать о моих проблемах, если я ничего ему не рассказывала? Может, у меня на лице написано, что все плохо?

Андрей остановился неподалеку от школы. Я выскочила из машины и, помахав ему, проронила:

– Ты самый великодушный человек на планете Земля!

Он мне подмигнул.

– Знаю! – И довольный собой укатил.

Уроки пролетели без происшествий. Это должно было меня насторожить. Но я витала в облаках, мыслями жила в дневнике и если о чем-то и думала, то о предстоящей тренировке.

Поэтому Кира и ее приспешники легко застали меня врасплох. Да и чего удивляться? У нее, видимо, был грандиозный опыт. Чем дальше я читала дневник, тем больше боялась Киру. Она была страшным человеком. А ведь по ней не скажешь, что она умна и способна на столь хитроумное манипулирование. Только сегодня учитель по литературе ее отругала за списанное с ГДЗ сочинение. Может, она считает себя слишком умной для учебы? Все ее время уходит на интриги, нет времени писать сочинения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.